

Ольга
Денисова

ПРИДОРΟЖНАЯ
ТРАВА

Ольга Леонардовна Денисова

Придорожная трава

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69486955

SelfPub; 2023

Аннотация

Место силы... Ему нет дела до богатства и амбиций – оно не пустит никого. Плотник Илья знает, что строить коттеджный поселок здесь нельзя, но дома нужно продать, и хозяйка земли не может примириться с теми существами, которым это место принадлежит по праву. Деньги против морока и волшебства, деловая хватка против наваждения, желание победить любой ценой – против хрупкого равновесия мира...

Содержание

1	4
2	22
3	60
4	75
5	91
6	104
7	141
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Ольга Денисова

Придорожная трава

1

Наконец-то это случилось! Три года прошло с тех пор, как Ника впервые увидела это чудесное место, которое вскоре, с ее легкой руки, получило официальное имя: «Лунная долина». Столько времени она мечтала о собственном загородном доме!

И вот теперь «рено», плавно покачиваясь, крался по узкой грунтовой дороге между лесом и рекой.

За окном тянулся непритязательный апрельский пейзаж: совсем еще голый лес, в глубине которого прятался снег, а по канаве, с ее южной стороны, уже пробивались первые желтые цветы мать-и-мачехи. День обещал быть по-летнему теплым, сквозь тонированное стекло пекло солнце, хотя не было и десяти утра.

Ника скептически поджимала губы, слушая свою приятельницу Люську, которая сидела рядом с ней и прижимала к себе корзинку с любимым котом Фродо. Рта Люська не закрывала всю дорогу, возбужденная предстоящим мероприятием. Будто это она, а не Ника вселялась сегодня в новый дом – мечту всей своей жизни. Хотя надо отдать Люське долж-

ное – она была преданной подругой и всегда воспринимала Никины успехи и неудачи как свои собственные. Правда, особых поражений в жизни Ники пока не случилось: весь ее жизненный путь, с самого рождения и до тридцати пяти лет, представлял собой череду больших и маленьких побед.

Высокая и стройная, Ника любила, когда ее сравнивали с породистой лошадью, хотя многие побаивались таких смелых параллелей. Рассматривая себя в зеркале, она, как правило, оставалась довольной, но ей хватало честности замечать свои недостатки, чтобы вовремя их маскировать. С самого детства, когда ее ровесницы утопали в комплексах и сомнениях, она считала себя эталоном. Мальчишки пробовали дразнить ее дылдой, но она только едко смеялась – если они не доросли ей до подбородка, это не значит, что у нее что-то не в порядке. Пробовали ей в вину поставить и рыжие волосы, но тоже не преуспели: мать не забывала повторять ей, что она Златовласка.

Не будь она столь высокого о себе мнения, ее судьба, несомненно, сложилась бы иначе. Ника же шла по жизни, уверенная в своей исключительности, за которую к ее ногам должны падать успехи, удачи и легкие победы. Она гордилась собой, своими достижениями и образом жизни. Муж ее Алексей – состоятельный, рослый мужчина приятной наружности, дочери – умницы и красавицы, в доме царят уют и достаток, а она не сидит на шее у мужа, а имеет интересную, творческую работу – переводит художественную литературу, и у

нее нет отбоя от заказов в трех издательствах. И, в отличие от загнанных бытом и безденежьем однокурсниц, она может себе позволить не спешить, работать не перенапрягаясь.

Подруг Ника не любила: они или завидовали ей, или сходились с ней из корысти. И только Люська, с которой они дружили еще с филфака, была ей предана по-настоящему, без зависти. Ведь, вопреки известной истине, утверждающей, будто друг познается в беде, разделить чужую радость бывает куда труднее, чем горе.

Вот и сейчас подруга от чистого сердца предложила помощь в обустройстве Никиного «особнячка», и та недолго думая согласилась: ее домработница Надежда Васильевна нескоро управится с трудностями переезда. Самой же Нике никогда не нравились домашние хлопоты, несмотря на обилие в доме бытовой техники. Она с пренебрежением относилась к любому физическому труду, справедливо полагая, что рождена не для этого. И, сравнивая руки женщин, вынужденных вести хозяйство, со своими, всегда брезгливо морщилась: не приведи бог довести руки до такого уродства! Красоту рук она тоже считала своей личной заслугой.

Надежда Васильевна, дальняя родственница Алексея, уже несколько лет существенно облегчала Никину жизнь, а Люськино предложение сейчас, во время переселения, пришлось весьма кстати.

Идея привезти с собой кота принадлежала Люське, а Надежда Васильевна с радостью эту мысль подхватила. Видите

ли, прежде чем самим переступить порог нового дома, надо сначала запустить туда кота или кошку; лучше, конечно, собственного, но если уж своего нет, то ради такого дела животное можно взять взаймы у соседа. Якобы коты отпугивают злых духов, если таковые в доме имеются, в отличие от собак, которых не любит домовой.

Эту чушь Люська поведала по дороге, на полном серьезе убеждая Нику непременно завести кота. Она вообще была равнодушна к разного рода мистике. Эту особенность подруги, а также ее неумеренную привязанность к животным Ника считала следствием одинокой жизни и относилась к этому снисходительно, учитывая множество прочих ее достоинств и их давнюю дружбу. Но окажись на Люськином месте кто-нибудь другой, она не позволила бы проповедовать себе всю эту белиберду.

Она не собиралась пускать собак в дом, но вовсе не потому, что боялась гнева домового: два ее азиата, злобные и опасные твари, в доме оказались бы неуместны. Да и Надежда Васильевна их боялась: хотя они были еще щенками, выглядели весьма внушительно.

Дорога вышла на открытое пространство – впереди показался огромный рекламный щит, установленный на въезде в Долину. Грунтовая дорога бежала дальше, в Долине же подъезды к участкам были асфальтированы и отсыпаны по бокам красным гравием.

– Приехали? – радостно спросила Люська.

Ника кивнула. Конечно, Долина еще не приобрела своего окончательного, задуманного дизайнерами вида. У дороги притулились два строительных вагончика, а в двух шагах от рекламного щита, как бельмо на глазу, торчал ветхий, почерневший от времени домик, который рабочие использовали в качестве теплой бытовки. Ника в который раз подумала, насколько он здесь, в зоне элитной застройки, неуместен. Вагончики и то выглядели приличней. Такие домишки еще встречаются в заброшенных деревнях на севере России, но откуда он мог взяться тут и кто мог его построить?

– Ой, а это что за избушка? – Люська недоверчиво посмотрела на неказистое строение.

Ника поморщилась: она не раз говорила Алексею, что эта избушка портит первое впечатление от въезда в Долину. Подруга всего лишь подтвердила ее правоту.

– Слушай, ей только куриной ноги не хватает, – сказала Люська, – знаешь, такой коричневой и чешуйчатой, как у доисторического птеродактиля.

Ника недовольно кивнула.

– А что, давай подойдем и посмотрим – вдруг когти из земли торчат? – Люська хихикнула.

– Не говори ерунды, – улыбнулась Ника, но внезапно как наяву представила, что когти и вправду торчат из земли и их можно увидеть из-под нижнего венца сруба, как будто до времени придавленное чудовище не оставило надежд выбраться когда-нибудь на свободу. Ждет своего часа, а пока

время от времени лишь ворочает по ночам землю под полом, нагоняя страх на обитателей этого жалкого и нелепого жилища. Ника тряхнула головой: придет же в голову такая чушь! Но строение уж больно мерзкое, его надо снести как можно скорей. Алексей когда-то уступил рабочим – в домишке, даже таком отвратительном, зимой живется лучше, чем в вагончике. Но теперь, когда со дня на день покупатели начнут осматривать участки, больше нельзя с этим тянуть.

Ника свернула на асфальт и покатила к своему участку, самому крайнему, за забором которого стеной поднимался темный лес.

– Красота! Никуся, красота! – воскликнула Люська, увидев «особняк».

Рубленый терем поднимался высоко над деревянным забором – причудливое переплетение голубых скатов крыши, башенки, балконы, мансарды, крылечки, объемная резьба столбиков и кружевные наличники на окнах.

– Погоди, ты его еще изнутри увидишь, – улыбнулась Ника. – Ты не представляешь, чего мне стоило сделать все, как я хочу!

Она подрулила к воротам, опустила стекло и посигналила – Алексей, который ехал впереди и вез Надежду Васильевну, должен был запереть собак в вольере, иначе они заживо сожрали бы Люську и ее кота вместе с корзинкой.

– Погодите! – крикнул Алексей из-за ворот.

Люська вылезла из машины, отошла на несколько шагов

и привстал на цыпочки, пытаясь разглядеть дом, скрытый двухметровым забором.

– Слушай, и кто ж построил такую красоту? – спросила она у Ники, приоткрывшей дверцу: в машине было душно, солнце прогрело ее, как в летний день. А ведь еще две недели назад лежал снег!

– Да работяги построили, много ли надо ума, чтобы по чертежам это сложить? – Ника дернула плечом.

– Э, не скажи, – ворота открылись, и Алексей вышел им навстречу, – не так-то это просто. Между прочим, срублен дом по европейским стандартам: без единого гвоздя. Нам очень повезло с подрядчиком, такие дома две или три фирмы в городе умеют делать, и денег дерут столько, что дешевле из камня строить. А наши плотники не зарываются, а рубят не хуже финнов, а может и лучше.

– Эти строительные подробности нам ни к чему, – Ника махнула рукой и улыбнулась. – Построили и построили.

Люська подхватила с сиденья корзинку с котом и подошла к воротам. Собаки, запертые в вольере, с грозным рыком кинулись к проволочному ограждению, в надежде до полусмерти напугать непрошеную гостью, чтобы та по доброй воле убралась с вверенной им территории. Азат показал такие зубы, при одном взгляде на которые хотелось умереть на месте, не дожидаясь, пока они сомкнутся на твоей шее.

Люська, онемев, прижала к себе корзинку с Фродо и замерла у ворот, не осмеливаясь сделать ни шагу.

– Проходи, Людочка, не бойся, они оттуда не выпрыгнут! Сейчас побесятся и перестанут, самим надоест гавкать! – прокричала Надежда Васильевна, вылезая из джипа. Она тоже не решалась ступить на участок, пока Алексей запирал собак.

Люська бочком просочилась мимо вольера и остановилась поближе к Надежде Васильевне, надеясь на ее заступничество. Отпустить кота на волю она пока не решалась, аккуратно пристроив корзинку у своих ног.

– Они и меня не признают, что ты думаешь! – пожаловалась Люське домработница.

Надежда Васильевна приходилась Алексею троюродной теткой, и причисляли ее к прислуге с натяжкой. Кроме того, она искренне любила и Нику, и ее дочек-близнецов, которые вскоре должны были прилететь из Англии, где учились в закрытой частной школе. И заботилась домработница о Лешиной семье так, как станет заботиться не всякая родная бабушка. А как готовила Надежда Васильевна! Поэтому на некоторые ее вольности Ника смотрела сквозь пальцы. Например, называть себя Верой Ника никогда и никому не позволяла, а если кто-то пробовал, нарочно или по ошибке, – попросту не откликалась. Но для деревенского уха Надежды Васильевны имя «Ника» звучало непривычно, и переучить ее никак не удавалось. Ника в итоге оставила это бесполезное и неблагодарное занятие.

– Ну, как тебе наша усадьба, впечатляет? – спросил Алек-

сей Люську. – Потянет на звание будущего родового гнезда помещиков Залесских?

Та, обведя окрестности восторженным взглядом, мечтательно закатила глаза:

– С ума сойти! Красиво, тихо, а лес какой – будто в сказку попала. Даже не верится, что поселок где-то рядом, такое чувство, что мы одни на тысячу километров, и вокруг – никого! А дом – ну просто чудо! Терем сказочный!

– Пошли, я тебе его изнутри покажу! – подмигнул ей Алексей. Он не меньше Ники был доволен своим детищем – Долиной и домом.

Нике дорого стоило уговорить его ввязаться в этот проект, но другого способа построить дом в этом замечательном, уединенном месте у них не было. Строительство одного коттеджа обошлось бы чересчур дорого, а продажей участков планировалось окупить все затраты. Ника нисколько не сомневалась: инвесторы, вложившие в Долину деньги, ничего не потеряют; Алексей же поначалу настроен был скептически, но чем ближе дело шло к продажам, тем сильнее верил в успех.

– Нет-нет-нет! – Надежда Васильевна замахала руками. – Сначала надо кошечку впустить! Кошечка должна первой порог переступить! Примета такая, чтобы жилось в доме хорошо, чтоб хозяева были счастливы, здоровы и богаты!

– Так вот для чего нам кот! – Алексей со смехом повернулся к Люське. – А я-то подумал, ты хочешь животинку на

свежий воздух вывезти, на травке его попасти! Нет, Людмила, ты неисправима!

Ника намеренно посмотрела в сторону, давая понять, что она тут ни при чем.

– Может, я и неисправима, но раз уж я Фродьку сюда притащила, то пусть первым войдет, – не уступила Люська и открыла корзину. – Ой ты мой сладенький! Устал ехать, радость моя! Выходи, мой маленький, не бойся.

Огромный серый кот осторожно высунул голову из корзины и осмотрелся по сторонам: выходить он не торопился.

– Ну? Что-то ваша кошечка не спешит, – усмехнулся Алексей.

Ника посмотрела на корзину и так и не решила, фыркнуть от возмущения или рассмеяться над Люськиными суевериями.

– погоди, ему надо освоиться, – Люська глянула на Нику и сложила губки бантиком, заметив ее нетерпеливый взгляд. – Фродечка, выходи, не бойся. Никто тебя не обидит.

Кот посмотрел на хозяйку жалобно и испуганно, как будто хотел сказать, что совершенно в этом не уверен. Пауза затягивалась, Алексей нетерпеливо постукивал носком ботинка по земле, Ника отвернулась и уставилась на узкие окна цокольного этажа – не нужно ли забрать их решетками? Вентиляция – это хорошо, но ведь кто-нибудь может залезть в дом. Впрочем, они такие узкие, что взрослому в них не протиснуться...

Люська, понимая, что все ждут только ее, решила вытащить несчастного зверя из корзинки, чего бы никогда не сделала в обычной ситуации.

— Пойдем, киска, пойдем, — она подхватила его задние лапы снизу и потерлась щекой о пушистую шерстку.

Но кот неожиданно мявкнул, рванулся из Люськиных рук, извернувшись спрыгнул на землю и понесся в сторону леса.

— Фродечка! — Люська кинулась за своим любимцем. — Погоди, мой котик!

Алексей расхохотался и хотел подняться на крыльцо, но Надежда Васильевна его остановила:

— Ну что ты, Леша, пять минут подождать не можешь? Дай коту опомниться, привыкнуть.

Ника недовольно покачала головой и направилась вслед за Люськой. Надежда Васильевна переживет, а вот Люська обидится, если план с котом потерпит крах. Придется помочь ей ловить животное, иначе они до вечера в дом не попадут!

Кота она увидела сразу же: тот сидел возле самой ограды спиной к дому, застыв на месте. На ласковый Люськин оклик он не оглянулся, даже ухом не повел. Ника подобралась к Люське сбоку. Фродо неотрывно смотрел в темный лес, непроглядной стеной подступивший вплотную к участку, и при этом утробно урчал, как будто угрожал тому, кого он видел, а Ника и Люська — нет.

Остановившись всего в двух шагах от него, Ника проследила глазами направление его взгляда, пытаясь понять, что

ж такое там, в лесу, могло кота заинтересовать. Ничего особенного или необычного она не заметила, и лишь на мгновение пронеслось у нее в голове воспоминание о стоящей на въезде в Долину избушке на несуществующих курьих ножках. Ника попыталась ухватить мелькнувшую и ни с чем как будто не связанную неясную ассоциацию, но тут одна деталь поразила ее воображение: в лесу за забором не было ни одной тропинки. Странно.

В полукилометре отсюда стоит поселок, и быть такого не может, чтобы местные и дачники не ходили сюда за грибами и ягодами. А раз так, то и этот лес должен быть покрыт сетью стежек-дорожек. Ведь не только люди, но и звери оставляют следы – там, где они из года в год ходят одним и тем же путем, осыпается и притаптывается хвоя, оголяются корни, обламываются ветви, вот и появляются тоннели и коридоры. Пусть едва заметные, но они, тем не менее, легко угадываются в сплошной толще леса, и ноги сами собой идут по найденному пути. Каждого вступающего под свою сень путника деревья гостеприимно и ненавязчиво направляют по дороге, которой многожды прошли до него другие. А по этому лесу будто никогда и не ступала нога ни зверя, ни человека. Наверное, в этом и кроется притягательная прелесть Долины?

Люська ловким движением подхватила Фродо под лапы, он мяукнул и грозно выпустил когти, но не смог ее оцарапать. Ника вздохнула с облегчением: ее помощь не потребовалась.

На монументальном крыльце с резными столбами, подпиравшими крышу, их поджидал Алексей. Надежда Васильевна, довольная тем, что ее послушались, скромно топталась внизу.

– Добро пожаловать, заждались мы вас! – широким приглашающим жестом Алексей распахнул дверь в прихожую. – Проходи и ты, животное, гостем будешь!

Люська поднялась по ступенькам и поставила кота на порог, стараясь отрезать ему путь к отступлению. Но он не спешил.

– Ну иди, Фроденька. Иди, видишь, все ждут! – она легко подтолкнула кота вперед.

Кот мелкими шажками двинулся вдоль стены, обнюхивая шлифованные бревна. Он совсем не хотел заходить в дом.

– Ну? – нетерпеливо спросил Алексей.

– погоди. Коты – животные осторожные, ему надо все изучить, – виновато объяснила Люська.

– Да подтолкни ты его вперед, – раздраженно сказала Ника.

Еще немного, и Алексей взбесится, – тогда настроение будет испорчено у всех.

Люська, похоже, и сама это понимала, поэтому подняла животное и поставила его на порог, толкая в дом. Кот оглянулся на нее, но не обиженно, как обычно, а затравленно и нерешительно.

– Иди, не бойся, – Люська ласково погладила его по спи-

не, снова подтолкнула, и Фродо наконец перевалился через порог.

Он собрался немедленно выскочить обратно и уже повернулся мордой к выходу, но Алексей, с нетерпением ждавший этой минуты, встал на пороге рядом с Люськой и в шутку топнул ногой. Кот попятился и от страха прижал уши.

– Ну что? Кошечка зашла первой? – Алексей повернулся к Надежде Васильевне. – Можно хозяевам войти?

Ника протиснулась между Алексеем и Люськой, обняв обоих за пояса. Не хватало только поссориться, когда церемония благополучно подходит к концу.

Кот приник к полу и замер, когда сверху неожиданно слышался тихий скрип дерева, как будто кто-то прошел по комнате на втором этаже. Ника насторожилась и посмотрела вверх: разумеется, никого там быть не могло. Собаки всю ночь охраняли участок, а мимо них и муха не пролетит.

И тут вслед за скрипом раздался сухой громкий треск, и Ника увидела, как огромное, толстое бревно медленно и нехотя шевельнулось, одной стороной оторвалось от потолка и пошло вниз, увлекая за собой другой конец. Впрочем, ей только показалось, что это произошло медленно. Потолочная балка рухнула на пол быстро, никто не успел пошевелиться, как и сама Ника. Страшный грохот потрянул дом и прокатился по полу, к нему примешался отвратительный похожий на чавканье звук, а во все стороны полетели густые темно-красные брызги.

Алексей отшатнулся, ухватившись рукой за косяк, Ника от испуга прижала ладонь ко рту, а через секунду вокруг разнесся короткий Люськин крик, низкий и жуткий, и Нике захотелось зажать уши и закрыть лицо руками. Крик тут же перешел в тихий вой, Люська упала на колени и обхватила голову руками. И тогда Ника решилась посмотреть под ноги: на полу у самого порога лежал несчастный Фродо. Бревно раздавило его в лепешку, и только тут до Ники дошло, что означает это просторечное выражение. Мертвая голова смотрела на них широко распахнутыми желтыми глазами, которые потихоньку затягивала матовая дымка.

Алексей отступил на шаг, и, похоже, ему стало плохо: он постоял еще секунду и кинулся с крыльца вниз, прижимая ко рту руки. Ника и сама чувствовала нарастающую дурноту.

Люська не произносила ни слова, только выла, и Ника решила было, что ее тоже задело балкой и у нее что-нибудь сломано. Она присела на корточки и робко коснулась Люськиного плеча, стараясь побороть тошноту и не смотреть в сторону раздавленного кошачьего тела.

– Люсь, – тихо позвала она.

– Котик мой! – отчетливо выговорила Люська, откинула руку Ники с плеча и на коленях поползла за порог, протягивая раскрытые ладони к мертвой окровавленной морде. Ника хотела отвернуться, но взгляд сам собой вперился в помутневшие желтые глаза мертвого животного. Люська обхватила его мордочку руками, колени ее соскользнули с

порога, она уткнулась лицом в мокрую от крови шерстку и смолкла.

Ника усилием воли отвернулась в сторону и увидела, что над ними стоит Надежда Васильевна и тоже от испуга не может вымолвить ни слова.

– Мой Фродечка, – горячо зашептала Люська, – мой маленький котик! Прости, мое солнышко, мой сладенький, прости меня... Мое золотко, мой пушистик... Сейчас я тебя освобожу...

Люська неловко приподнялась и с неожиданной силой толкнула бревно в сторону, да так, что оно откатилось на несколько шагов.

– Зверечек мой серенький, мамочка возьмет тебя на ручки... – Люська подняла раздавленное тельце и прижала к груди, – пойдем, пойдем отсюда.

Она медленно поднялась на ноги, скользнув равнодушным взглядом по Никиному лицу, как будто и не увидела ее. Ни одной слезинки не было в Люськиных глазах, отчего Ника испугалась еще сильнее. Надежда Васильевна попятилась, уступая Люське дорогу. Люська начала спускаться по ступенькам, и на середине оступилась и едва не съехала вниз, но так и не выпустила мертвого кота из рук. И только оказавшись на земле, согнулась и разрыдалась, горько и отчаянно.

Надежда Васильевна вышла из ступора первой, спустилась к ней и обняла за плечи:

– Ну что ж ты так убиваешься, моя девочка... Ну разве

можно так убиваться?

– Мой Фродечка, – всхлипнула Люська и зашлась рыданием, не в силах выговорить ни слова.

Надежда Васильевна повернулась к Нике:

– Водички надо. Или валерьяночки лучше.

Ника кивнула и провела рукой по лицу. Действительно, почему же она стоит? Она хотела зайти в дом и шагнула за порог, но увидела кровь на полу и красные капли на стенах и попятилась. Нет, в машине есть аптечка, лучше спуститься туда. Она обошла Люську, еще сжимавшую в объятьях раздавленное тельце, и снова почувствовала, как тошнота подступает к горлу. Но, оказавшись в машине, Ника не смогла сразу взять аптечку и вернуться: села на заднее сиденье, закрыла дверь, чтобы не слышать Люськиных причитаний и дурацких утешений Надежды Васильевны, и откинулась назад, запрокинув голову. Алексей тоже хорош – сбежал и не видел этого кошмара. Мужчины на удивление чувствительные существа, а мнят себя сильным полом.

Ника посидела несколько минут, стараясь прийти в себя и подготовиться к продолжению событий, которые не обещали ничего хорошего. Но когда она вылезла из машины со стаканчиком корвалола, разведенного минералкой, самое страшное осталось позади. Надежда Васильевна уговорила Люську положить мертвого кота в корзинку.

– Вот, не бойся, – бормотала старушка, поглаживая Люську по голове, – клади. Ему тут будет хорошо.

– Он не хотел, – рыдала Люська, – он не хотел выходить, я сама его вытащила! Я никогда так с ним не поступала!

– Не надо себя винить, никто же не знал.

– Он знал, он не хотел. Он чувствовал. А как он на меня смотрел!

– Клади, вот так, остороженько. Пусть в корзиночке по-лежит.

Ника протянула домработнице пластиковый стаканчик, та кивнула, подхватила его и попыталась напоить Люську. Ника накапала убойную дозу, не меньше чем половину флакона, но все же сомневалась, что это поможет.

Из-за дома вышел Алексей – вид у него был потрепанный и растерянный.

– Надо ее в город отвезти, – посоветовала Надежда Васильевна, – и доктора вызвать. Котик-то ей как ребеночек был. Она и убивается по нему, как по дитятку родному.

Ника кивнула. Неизвестно, что лучше, – остаться здесь или ехать с несчастной Люськой в город. Она теперь не перешагнет через порог до тех пор, пока ей не объяснят, почему такое произошло. И уж этим-то точно пусть занимается Алексей! Вот он, его подрядчик, который не берет много денег! Сколько можно повторять, что скупой платит дважды?

Утешительница из нее, конечно, была никакая, но Люську Ника жалела искренне: Фродо и вправду был для подруги единственным родным существом.

Сапог глубоко уходит в густую болотную грязь, и, чтобы сделать шаг, надо дернуть его наверх с отвратительным чавкающим звуком. Жалкая сосенка обломится у основания, если на нее опереться. Потому что заживо гниет.

Небо тяжелым серым брюхом ложится на землю, ровную как стол, но ничего родить эта земля не может, кроме беле-сого, напоенного водой мха. Капля падает за воротник – это мелкая морось облепила сосновые иглы, как тля, и грузным комком срывается вниз. Мокрая челка ложится на лоб, как чья-то остывшая ладонь.

Тухлый запах болота плывет между редкими жидкими деревьями, клубится мутными колтунами, поднимается, вскидывая невидимые руки со скрюченными пальцами, а потом сжимает ими горло.

Высокий терем покосившейся грудой осел в грязь, его светлые некогда бревна покрыты черной прелью с бледно-зелеными разводами грибка. Если провести ногтем по склизкой стене, на ней останется глубокая борозда, но светлого дерева видно так и не будет. Только вязкая гниль.

И до самого горизонта – лишь выцветший мох, тощие трухлявые стволы и почерневшие останки домов, которые по пояс вязнут в умирающей земле.

Зима присыплет это уродство снегом, словно припудрит

шрамы от ожогов на лице, стянет землю сухой коркой льда, схватится лапой за серое брюхо неба, выжимая его досуха. И на короткое время гниение остановится, чтобы передохнуть.

Илья проснулся от того, что под подушкой вибрировал мобильник, надсадно вгрызаясь в больную голову. Голова трещала и должна была вот-вот расколоться. Тошнота подкатывала к горлу, и от всякого движения внутри колыхалось нечто и грозило-таки расплескаться. Очень хотелось пить.

Какой отвратительный сон! Такое может присниться только с похмелья. Илья приоткрыл один глаз, по которому немедленно полоснул свет, царапнув мозги. Солнечное утро. Розовые обои с голубыми цветочками... Белый потолок... Чистое крахмальное белье... Интересно, где он заночевал? Конца вчерашнего вечера он не помнил совсем. Какие-то незнакомые лица, смеющиеся пьяные девки, бильярд. Да, точно был бильярд. И машина, заднее сиденье, и желтые фонари, плывшие навстречу.

Он с трудом повернул голову – телефон не замолкал. Зачем он запихал его под подушку? Илья приподнялся на локте и вдруг увидел перед собой лицо. Оба-на! Рядом лежала голая девица, очень молодая и сильно потасканная. Допился! Секс не повод для знакомства? Интересно, ей восемнадцать-то есть?

Ну что ж не замолчит этот телефон! Ну кому Илья так срочно понадобился? Он потянулся к трубке трясущимися

пальцами, долго ее нащупывал и в конце концов нечеловеческим усилием выдернул из-под подушки. И только увидев, что звонит ему бывшая жена, с ужасом вспомнил, что к одиннадцати утра должен был вести ребенка в театр. Перед тем как нажать на ответ, он глянул на часы – до начала спектакля оставалось двадцать минут. Интересно, в какой части города он находится? Может быть, можно успеть?

– Да, – он постарался ответить твердым голосом.

– Я знала, что ты свинья, – прошипела Лариса, не считая нужным поздороваться, – но не до такой же степени!

– Да, – согласился он. Ее голос, как всегда сдержанный и тихий, все равно бил по голове, и Илья немного отодвинул трубку от уха.

– Ребенок встал в семь утра и ждал тебя у двери с девяти, – продолжала Лариса, не позволяя себе срываться на крик. – Тебе не стыдно? Ты мог хотя бы позвонить?

Вот почему он положил мобильник под подушку! Илья точно помнил, что ставил будильник на девять утра и сделал это вчера в электричке, когда ехал в город.

– Ларочка, я проспал, – честно ответил он. – Может быть, ты приведешь Сережку к театру, а я быстренько подскочу?

– Я выбрала спектакль, я сходила за билетами – за свой счет, между прочим. Тебе надо было только прийти вовремя! Но ты не можешь сделать даже этого!

– Я же говорю, что сейчас приеду. Я в городе. И деньги я тебе отдам. Сейчас, я только выясню, далеко ли отсюда до

театра...

Он потряс за плечо незнакомую девицу, но она отмахнулась от него и повернулась на другой бок.

– Замечательно! Ты что, не знаешь, где находишься?

– Я сейчас выясню, погоди. Так вышло, понимаешь, я немного выпил и...

– Не надо, – оборвала Лариса, – мне уже хватит нерво-трепки. Еще не хватало, чтобы ты дышал на ребенка перегаром и пил пиво в антракте!

Она нажала на отбой не прощаясь. Илья застонал и уронил руку с трубкой за голову. Да, паскудно вышло... До слез было жалко Сережку. Лариса умела так представить дело, что Илья чувствовал себя распоследней сволочью. Впрочем, сегодня она была права.

Он задумался: поспать еще чуть-чуть или пойти поискать кран с водой? Надо только собрать волю в кулак и оторвать голову от подушки. Подготовка к решительным действиям затянулась, и Илья не заметил, как опять задремал. Однако через десять минут телефон снова заиграл энергичную мелодию Моцарта, сполз вниз и стукнул по голове. Звонил Кольцов, хозяин конторы, где работал Илья, и снимать трубку не хотелось. Ничего хорошего в субботу утром нельзя ожидать от начальников, хоть и мелких, каковым Кольцов и был: в его владении находилась шарашка, гордо именующая себя строительной фирмой, в которой работало пять плотников, один слесарь (он же водитель погрузчика) и приходящий главный

бухгалтер.

– Да, – Илья решил пожалеть Кольцова.

– Илюха, у нас ЧП, – выдохнул тот вместо приветствия.

Никто сегодня не пожелает здоровья. А так хотелось...

– Ну? – недовольно буркнул Илья.

– Упала потолочная балка в новом доме. Прямо на входе.

Задавила чьего-то там любимого кота. Новые хозяева в панике, обещают нас с тобой посадить. Приезжай немедленно.

– Кольцов, ты сам-то понял, что сказал? Как может упасть потолочная балка? Это бревно на четверть куба?

– Да, Илюха, да! Бревно на четверть куба! Рухнуло с потолка!

– Да это невозможно, – пробормотал Илья, размышляя, как такое может случиться. Случиться такого не могло. Никогда. Такого не бывает. Даже если строить шалей-валей. А строил Илья на совесть, никто никогда не жаловался на его работу.

– Знаешь, даже я понимаю, что это невозможно, однако это так, – прошипел Кольцов.

– А ты вообще трезвый? – на всякий случай поинтересовался Илья.

– Да трезвей тебя! Короче, быстро двигай сюда, хозяева хотят крови. Если ты им внятно не объяснишь, что мы не виноваты, мне будет гораздо хуже, чем тебе. Под суд я пойду, если до этого дойдет, а не ты. Ты ни одной бумажки не подписывал.

– Ладно. Я сейчас еду. Мишка посмотрел? Может, он уже понял, что там к чему?

– Мишка твой нажрался и дрыхнет.

– Как? – Илья резко сел от неожиданности и тут же схватился за больную голову. – Я ж его закодировал!

– А вот так! Я тебе сто раз говорил, кодируй не кодируй, без толку это.

– Вот сволочь! Ну падла! – Илья опустил ноги на пол и мельком глянул на комнату, в которой провел ночь. Тошнота взяла за горло, а в голове все перевернулось несколько раз. Нет, ну Мишка гад!

– Я тебе то же самое говорил. Короче, приезжай.

– Раньше чем через три часа меня не жди.

– Ты с электрички звякни, я тебя на машине встречу, не пешком же тащиться... – ласково предложил Кольцов.

Сзади завозилась и застонала незнакомая девица. Илья обернулся: она открыла глаза и тупо на него уставилась, как будто видела первый раз в жизни. Он попробовал ей улыбнуться, но получилось плохо.

– Ты кто? – хрипло спросила она наконец.

– А ты? – на этот раз улыбка вышла вполне естественной.

– Я здесь живу, – проворчала она недовольно.

– Я уйду сейчас, не бойся, – Илья вдруг почувствовал себя неловко, – умоюсь и уйду.

– Может, ты еще и оденешься? – прыснула девица.

– И оденусь, – Илья кивнул, усмехаясь.

Да, дурацкая какая ситуация... В руке снова зазвонил и забился телефон. Илья глянул на экранчик: звонил Сережка. Ой, как стыдно...

– Привет, сынок.

– Да, пап.

– Понимаешь, так получилось...

– Да ладно, пап, не надо. Не приехал – значит, не смог, я же понимаю.

У Ильи ком подкатился к горлу: кто еще его так любит, как Сережка? А он – действительно свинья.

– Прости, сынок, – еле-еле выговорил он.

– Да ты не слушай маму, она всегда тебе гадости говорит.

Я чего звоню-то. Может, ты завтра свободен?

– Свободен, конечно свободен, – обрадовался Илья.

– Попроси маму, чтобы она меня к тебе отпустила. Ненавижу я эти театры. Лучше бы мы в лес сходили. Или на рыбалку.

– В лесу сейчас сыро, воды по колено. А на рыбалку можно. Да найдем, чем заняться.

– Отлично! Позвони маме, а то первый звонок звенит. Она сейчас нервничать начнет, ты ж ее знаешь.

– Уже звоню.

Да, насчет нервничать – это Сережка верно подметил. На поезд Лариса приходила за час, к назначенному сроку – за пятнадцать минут, а в театре с первым звонком должна была сидеть на своем месте, поминутно вскакивая, чтобы пропу-

стить тех, кто пришел позже.

Илья набрал номер Ларисы – она долго не брала трубку, а потом наконец раздраженно спросила:

– Ну чего тебе?

Илья втянул голову в плечи – просить о чем-то Ларису в таком настроении было очень рискованно.

– Ларочка, послушай, давай вечером Сережка ко мне поедет. С ночевкой. Мы бы на рыбалку с ним с утра сходили...

– Нет. Никаких ночевок! Он уже ночевал у тебя однажды, я помню, что он мне рассказывал! Ребенку не место в твоём бомжатнике! Чтобы он дизентерию подхватил? Я уже не говорю про твоё окружение! Чему хорошему его там научат? Сережа – очень впечатлительный мальчик, он все впитывает как губка. Ты бы слышал, каких он слов набрался там в прошлый раз!

Илья едва не выругался:

– А я слышал. Ты хочешь, чтобы парень всю жизнь плавал в твоих розовых соплях? Я живу не в бомжатнике, а в очень милой избушке. Когда работаешь за городом, о такой можно только мечтать. И не смей говорить ничего про моё окружение, ты этих людей не знаешь.

– В любом случае, это неподходящая компания для моего сына, – Илья знал, как, сказав это, она поджала губы.

– Это и мой сын тоже, и родительских прав меня никто не лишал. И не ты ли долбишь деткам в школе: все работы хороши, выбирай на вкус?

– Все это так, – почти согласилась Лариса, – но я не могу допустить, чтобы ребенок ночевал в антисанитарных условиях.

– Переночует один раз, ничего ему не сделается. И ты лучше меня знаешь, что для него такая ночевка будет настоящим праздником.

– Да, знаю, поэтому он не будет спать полночи, а в шесть утра ты его поднимешь и потащишь на холодную речку, где он застудит почки, сидя на земле.

– Не застудит. Лара, он парень, а не кисейная барышня! В кого ты хочешь его превратить? В ботаника, который без маминой помощи и шагу ступить не может?

– Не вижу ничего оскорбительного в слове «ботаник», – фыркнула Лариса, – и еще я хотела сказать: теперь ребенок снова будет думать, что папа в театры не ходит, поэтому и ему этого делать необязательно. А ты мог бы, между прочим, пойти мне навстречу.

– Мог бы, мог. Я уже извинился. В общем, позвоню перед выездом.

– Ты же сказал, что ты в городе!

– Мне надо на работу вернуться. Освобожусь и приеду.

– Только попробуй не приехать! Я не знаю, что я с тобой сделаю! – она уже не сердилась.

Илья отсоединился и вздохнул. Надо бы встать...

– Жена? – понимающе спросила девица.

Он кивнул.

– Стерва?

– Да нет, – он пожал плечами, – правильная слишком.

– А ты ничего, – девица бесстыдно потянулась, – симпатичный...

Он кивнул и подумал, что надо бы сказать ей что-нибудь аналогичное, но слов не подобрал.

– А я вспомнила! – она радостно улыбнулась. – Ты играл в бильярд! Я Наташке так и сказала тогда: если этот парень выиграет, я ему отдамся!

Илья смутился и опустил голову. Неплохую компанию он себе подобрал.

– Ты отдаешься всем, кто выигрывает на бильярде? – любопытствовал он с грустью.

– Не всем, конечно. Но я люблю победителей. И потом, ты мне понравился.

Илья поискал глазами одежду и нашел ее скомканной в углу кровати.

– Сколько тебе лет? – решился спросить он и потянулся за брюками.

– Женщину неприлично спрашивать о возрасте, – кокетливо улыбнулась девица. – Но мне-то скрывать нечего, мне уже девятнадцать.

Ох, какой кошмар! Илья оперся лбом на руку и сжал челку в кулаке. Он старше ее в два раза. Да она ему в дочери годится!

– А тебе? – спросила девушка.

– Мне сорок, – угрюмо бросил он и собрался натягивать штаны.

– Да чего ты стесняешься, как девушка? Иди в ванну так. Чего я, голых мужиков не видала?

Илья немного подумал, но советом так и не воспользовался.

Квартирка была точной копией той, которую при разводе он оставил Ларисе с Сережкой: однокомнатная хрущевка с совмещенным санузлом и пятиметровой кухней. Разменять такую сложно даже на две комнаты в коммуналке. Когда-то, когда они с Ларой только поженились, его родители поменяли свою трешку, чтобы не мешать молодым строить семью самостоятельно. И правильно сделали: Лара с мамой не могли долго быть вместе, маме все время казалось, что Лара несправедливо относится к Илье. Родителям досталась двухкомнатная квартира в Лодейном Поле, поскольку «молодые» учились в институте и из города уехать не могли. А когда они с Ларой все же разошлись, Илья решил, что в состоянии снимать себе комнату, чтобы Сережка мог жить в приличных условиях.

Холодный душ слегка успокоил дребезжащую голову, а горячий и вовсе привел в чувство. По крайней мере, каждое движение теперь не казалось невыносимой пыткой.

Панельный дом исключал звукоизоляцию: выключив воду, Илья услышал мужской голос и подумал, будто говорят в соседней квартире. Но, прислушавшись, заметил, что отве-

чает этому голосу его знакомая. Верней, незнакомка.

– Значит, если я уехал на несколько дней, ты можешь мужиков в дом толпами водить?

– Да говорю тебе, это мой дядя, мамин брат! Он из Норильска приехал, ему ночевать негде было.

– Ага! Я такой придурок!

– Конечно придурок! – рассмеялась девица. – Ему сорок лет, на хрена мне такой сдался? Отпусти меня, теперь две недели бланш не сойдет!

– Вот и хорошо, меньше по кабакам будешь шляться.

Час от часу не легче. Молодой Отелло, не отягощенный моральными принципами. Ну, дядя так дядя. Илья оделся, открыл дверь и вышел в коридор. Юноша, стоявший на пороге комнаты, был коренаст, приземист, и его лицо не выражало никаких добрых намерений.

– Ну что, дядя? – мрачно спросил он. – И какого черта ты здесь делаешь?

Быть вежливым с родственниками подруги не входило в моральный кодекс современного недоросля. Не учить же его хорошим манерам, тем более с похмелья. А у девчонки под глазом и вправду наливался здоровенный синяк. Нехорошо. Если бы Илья действительно был ее дядей, спустил бы щенка с лестницы.

– А какого черта здесь делаешь ты?

– Не, ну ничего себе! – парень хлопнул себя ладонью по боку. – Я... я...

Юноша и сам не мог толком сказать, что здесь делает. Отлично, значит, он здесь не живет, а только время от времени заходит. И квартира, стало быть, не его. Это придало уверенности в себе.

– Вот и вали отсюда. Вернешься, когда я уйду. А если девушку еще раз пальцем тронешь – накостыляю так, что мало не покажется. Все, свободен.

– Да я тебя... Я тебя... – задохнулся парень, сжимая кулаки.

Илья рассмеялся. Петушок был ниже его почти на полголовы и, несмотря на коренастую фигуру, внушительным не выглядел.

– Ты знаешь, какие у меня друзья? – наконец-то нашел аргумент юноша.

– Вот к друзьям и иди. Расскажи им, как тебя взрослый дяденька обидел, за то что ты девушке своей морду бьешь. И почему ты ей морду бьешь, тоже расскажи.

– А как с ней еще разговаривать? Если она, сучка, по-другому не понимает!

«Да она и так не поймет», – подумал Илья и немного пожалел парня.

– Другам своим рассказывай. Мне это неинтересно.

– А почему твои кроссовки у ее кровати стоят, а?

Ух ты, прямо Шерлок Холмс!

– Где снял, там и стоят. Не твое щенячье дело.

– Да никакой ты не дядя! Паспорт покажи! Вот я и по-

смотрю, из Норильска ты или нет!

– Из Норильска. Только я сюда надолго приехал, не беспокойся. За племянницей присматривать. У нас в Норильске, знаешь, мужики крутые живут, своих девчонок не дают в обиду. Если в другой раз сюда прийти захочешь, цветочек купи, конфеток коробочку. А потом права качай. Может, ей ласки не хватает, а ты сразу по морде, не разобравшись.

– Чего это я ей конфетки-то покупать должен, шалаве этой? – на лице юноши отразился сложный мыслительный процесс.

– Ну, если она шалава, то зачем ты вообще пришел? А если она тебе нужна, то у нас в Норильске так принято за девушками ухаживать. Давай, короче, дуй отсюда. За конфетами. Не видишь, девушка обиделась?

Парень повернулся к девице, которая сидела на кровати, прикрывшись полупрозрачным халатиком.

– Танька, ты чё, обиделась, что ли?

Ну наконец-то! Танька! Сразу стало легче. Не может же дядя не знать, как зовут племянницу.

– Конечно! – фыркнула девица. – Вали отсюда, видеть тебя не хочу.

– Не, ну я пошел тогда... – парень двинулся к двери, беспомощно оглядываясь на Таньку.

– Иди-иди, – кивнул Илья, – без конфет не возвращайся.

– И с конфетами тоже не возвращайся, – радостно крикнула ему вслед Татьяна.

Едва за ним захлопнулась дверь, она с хохотом повалилась на кровать, от чего на ней распахнулся халатик. Зрелище было бесстыжее. Впрочем, теперь такое поведение называется по-другому: без комплексов.

Илья опустил глаза и зашел на махонькую кухню. Надо бы выпить чаю покрепче, а то до электрички будет не добратсья.

Кухонька насквозь просвечивалась солнцем. Илья глянул в окно: начинался чудесный апрельский день, похожий на вчерашний, – по-летнему теплый и ясный. Еле заметная ядовито-зеленая дымка обволакивала тополя за окном – прорезались первые липкие листочки. Даже в городе от радости надрывались птицы. А в Долине они наверняка поют еще громче. Только до Долины еще надо добратсья. И сегодня ничего хорошего Илью там не ждет.

– Эй, Танюша, а чай у тебя есть?

– Есть, есть, щас! – она встала и босиком прошлепала в кухню. Халатик запахнуть она не удосужилась. – Слушай, а ты крутой! Мне понравилось! Жаль, конечно, что вы не подрались.

Илья кашлянул, покачал головой и включил чайник, стоявший на столе. Танька достала из буфета упаковку какой-то ароматизированной дряни в пакетиках.

– У меня вкусный чай, с ежевикой, – она кокетливо покрутила коробочкой.

– Это потрясающе, – пробормотал Илья.

– Слушай, а жаль, что ты не мой дядя... – Танька села

за стол напротив него и подперла щеку кулаком. – Здорово, наверное, иметь такого дядю. И Леху можно не бояться. И вообще...

Илья приехал жить в Долину два года назад. Жирный подряд обернулся для Кольцова затянувшейся стройкой, но отказаться от этого проекта Кольцов не мог, да и других заказов у него не было. За два года бригада срубила два дома, один из которых вроде бы сдали под ключ. Дома, конечно, строились огромные, но два года возиться с ними не стоило. Второй сруб Илья почти закончил, за лето его собирались накрыть кровлей и окончательно отделать. Заказчики возили покупателей как на недостроенный дом, так и на остальные восемнадцать участков «Лунной долины».

Илья появился в Долине, когда работы только начинались, даже не успели раскорчевать пни. Сначала заказчики собирались застроить все участки, но постепенно, по мере того как деньги уходили в строительство дорог и прокладку коммуникаций, стали отказываться от этой мысли. Продать участок с водопроводом, канализацией, газом, отличными подъездами, рядом с рекой и закрытым пляжем можно было значительно выгодней, чем тот же участок с домом на нем. Решили построить три дома и посмотреть, что лучше будет продаваться. На любой вкус, так сказать.

А кроме того, при подводе коммуникаций постоянно возникали непредвиденные расходы. Стройку эту как будто кто-

то сглазил. Уровень грунтовых вод оказался значительно выше, чем рассчитывала проектная организация, но заметили это только весной, в паводок, когда подмыло построенную дорогу – КамАЗ провалился под асфальт задними колесами. Аккуратные канавки с гнутыми мостиками над ними за две весны превратились в широкие овраги, мостики обвалились. Песок, привезенный на пляж, благополучно смыло первыми осенними дождями. Канализация не работала: не хватило перепада высот, чтобы сбрасывать сточные воды в реку. Коллектор пришлось полностью перестраивать.

Складывалось впечатление, будто люди, занимавшиеся инженерными сетями, делали их первый раз в жизни. Илья имел диплом инженера-механика, а не строителя, но и ему было очевидно: заправляют на стройке дилетанты, так как выбирали подрядчиков по принципу дешевизны. Ну что ж, скупой платит дважды. Да и Кольцова-то заказчики выбрали по той же причине, но тут им просто повезло. Потому как Илья привык делать свою работу на совесть – никто не жаловался на срубленные им дома. Кольцов понимал: без Ильи его предприятие попросту лопнет, поэтому ценил его и исполнял любые прихоти. Но и Илья без Кольцова не многого стоил: вышибать деньги из заказчика и обеспечивать себе нормальные условия труда он не умел.

Кольцов сразу забил для бригады заброшенный домик, стоявший на краю дороги. Домик был махоньким, но теплым. Это не вагончик с буржуйкой, который продувается со

всех сторон и насквозь промерзает зимой. Илья сразу окрестил домик «избушкой», уж больно тот походил на пристанище Бабы-яги. Как будто поджала она, как курочка, свои курьи ножки под себя и уселась в траву. В избушке поместилась кухня-столовая, вытянутая на всю ее длину, бытовка, где складывали инструмент и рабочую одежду, и спальня, куда больше трех человек не помещалось при всем желании. Поэтому, когда работали вшестером, трое спали в комнате, а остальные – в столовой, на лавках. Ребята у Кольцова собрались неприхотливые: двое хохлов из Донецка, Мишка-белорус (спившийся врач-невропатолог), узбек по прозвищу Саид и слесарь Володька.

Кольцов Володьку ценил тоже, потому что кроме него никто не мог поставить на ход допотопный погрузчик, единственную кольцовскую частную собственность. Ребята же уважали Володьку за то, что не знали проблем с пилами и рубанками: Володька без дела сидеть не мог, и руки у него были золотые. Кольцов сам выводил Володьку из запоев, поскольку жена Володьку в таком виде принимать дома не желала. А после подшивки, также оплачиваемой Кольцовым, Володька полгода мог не притрагиваться к спиртному. Жена носила его на руках, поила полезными соками, откармливала шоколадом. Володька очень любил жену и особенно ценил ее за интеллигентность – она работала бухгалтером. Но больше полугода без выпивки продержаться не мог.

А вот Мишку не ценил никто, поскольку руки у него рос-

ли не оттуда, откуда следовало. Родом Мишка был из Гомеля и утверждал, будто пьет для вывода из организма радиации. И, пока его никто не гнал, радовался жизни в тепле. А Кольцов пользовался тем, что бездомный человек готов работать за кров и кормежку. Впрочем, на водку ему тоже хватало. Илья внимательно следил за тем, чтобы Мишка не покупал суррогатов и не пропивал инструменты.

Саидка, который и плотником-то не был – корил¹ бревна, – по гроб жизни был благодарен Кольцову за то, что тот его пригрел.

Поскольку за лето планировалось срубить только одну баню (правда, огромную и роскошную), с наступлением сезона Кольцов отпустил хохлов на вольные хлеба. А они забрали с собой Саидку, так как сами корить бревна не любили. Володька, поставленный на широкую дорогу трезвости всего месяц назад, повез детей к своим родителям, в Ставрополье. При таком объеме работ ему на стройке делать было нечего: поднять два бревна в день и раз в неделю наточить цепи для пил Илья мог и без него.

Илья на вольные хлеба не рвался, да и не пустил бы его Кольцов. Так что на все лето они с Мишкой остались вдвоем, и будущее виделось в розовых тонах: на двоих избушка была замечательным дачным домиком, а не бытовкой, заваленной грудami одежды, мусора и инструментов. Много работы не предвиделось, рядом была река, лес с грибами и ягодами –

¹ Корил – здесь: снимал кору, очищал от коры (разг. форма от «окорять»).

лето предстояло провести как на курорте.

Как ни странно, Илья очень прикипел к Долине. Это место тянуло его к себе магнитом, и он всерьез подумывал остаться тут насовсем. Стройка затянется еще на несколько лет, ведь на проданных участках тоже надо будет рубить дома. Илья несколько не сомневался в том, что, посмотрев на его работу, никто не захочет нанимать другую бригаду. А когда Долина застроится и заселится, им потребуется охрана. Конечно, плотником работать веселей, чем охранником, но сойдет и это.

Избушку, правда, собирались снести со временем, а на ее место поставить дом для охраны, поскольку она якобы не вписывается в окружающий ландшафт. Но и тут Илья надеялся на лучшее: уж он-то сможет отделать ее так, что она впишется куда угодно. Это же дешевле, чем строить новый дом.

Странное это было место, загадочное. За два года Илья не раз в этом убеждался. С самого первого дня он непрерывно ощущал на себе чей-то взгляд. Поначалу взгляд был недоверчивым, строгим, навязчивым. Илья частенько оборачивался, нервничал, не мог избавиться от неприятного ощущения, будто за ним наблюдают. Потом привык, расслабился. Да и взгляд уже не был испытующим, стал снисходительным, а потом и дружелюбным, приветливым. Выходя утром на крыльцо избушки, Илья махал рукой в сторону леса, приветствуя невидимого наблюдателя. И чувствовал, что лес от-

вечает ему чем-то похожим.

Странности были и в самой избушке. Сначала Илья посчитал, что пьяный бред его сильно пьющих коллег получается неправдоподобно одинаковым. И Мишке, и Володьке, и Саидке являлся один и тот же персонаж, о котором заговорили в первую же зиму. Илья частенько просыпался в избушке от холода: Мишка запросто мог не закрыть на ночь дверь. Но в тот раз, за ночь выморозив избушку, бывший доктор стоял на пути к трезвой жизни – не пил уже двое суток, плохо спал и вечером должен был истопить печь. Утром недовольные, теплолюбивые хохлы наехали на несчастного трезвенника, и тот на полном серьезе сообщил, будто какой-то мужичок не дал ему затопить, и он всю ночь с незнакомцем боролся. Мишка говорил убедительно, и возмущенные хохлы собирались по-свойски с мужичком разобраться. Когда же выяснилось, что тот сидит в печке и ногами выталкивает дрова наружу, а сам маленький, ростом с кошку, измазанный сажей, Мишку очень жалели и даже предлагали съездить к врачу. Конечно, двое суток после запоя – самое время для «белки».

Но после этого Мишка видел мужичка не один раз, только печку топить он не мешал, сидел на столе и болтал ногами. А вскоре и Володька с ним повстречался, проговорил с полночи, а утром, сообразив, что произошло, испугался и на три месяца бросил пить без «шаманов²» и подшивок. Саидка же, встречаясь с Печником, как они его прозвали, не бо-

² В просторечии – врач, выводящий из запоя на дому.

ялся, вежливо здоровался и рассказывал потом, будто мужичок травит смешные байки и никого обижать не собирается.

Хохлы и Илья Печника не видели, но слышали по ночам топот его маленьких ножек по полу и по столу в столовой. В конце концов, его появления перестали считать пьяным бредом и, оставляя на столе что-нибудь из еды, поговаривали, что Печник ночью придет полакомиться.

А еще Долина вела себя странно, стоило появиться кому-то из покупателей. Обязательно что-то да случалось. То оползет край дороги, когда гости проходят по ней, то балка с лесов сорвется, то штабель с бревнами поедет. Трижды ковш у экскаватора падал, и все три раза – когда приезжали покупатели (мужики, нагло нарушая правила техники безопасности, на выходные складывали вещи в ковш и поднимали его повыше, чтобы никто не стащил). Илья понимал, что это всего лишь совпадения, но где-то в глубине души подозревал, что они вовсе не случайны.

Он сошел с электрички около часу дня и сразу увидел машину Кольцова. Погода стояла отличная, Илья снял куртку и подумывал, не снять ли и свитер тоже: солнце жарило, как в июле. За сутки, что он провел в городе, набухшие почки на деревьях лопнули и выпустили на свет прозрачную зелень. По канавам распустилась мать-и-мачеха, а кое-где в низинках белела ветреница. В такую погоду он бы с удовольствием прогулялся по поселку пешком – до Долины от станции было минут сорок ходьбы.

Кольцов просигналил, увидев, как Илья оглядывается по сторонам. Илья махнул ему рукой с платформы. Вместо прогулки, такой желанной с похмелья, придется париться в пропахшей бензином «семерке», что не прибавит здоровья на ближайшие два-три часа.

– Ты понимаешь вообще, что произошло? – спросил Кольцов вместо приветствия.

– Здравóво, – ответил Илья, усаживаясь в машину.

– Здравóво, здорóво, – согласился Кольцов и завел мотор. – Нас по стенке размажут! Как ты мог так положить балку, что она сорвалась?

– Вот посмотрю и скажу. Я не кладу балки так, что они срываются, – Илья не очень-то верил в то, что Кольцов хорошо понял, как это случилось, если вообще побывал на месте происшествия.

– Однако она сорвалась! Они открыли дверь, впустили кошку. Ну, типа, примета такая. А бревно упало и в лепешку ее раздавило. А если бы кто из людей зашел? Я бы сел лет на десять, не меньше!

– Да не могла она сорваться! Ты чего, совсем ничего не понимаешь? Балка опирается на две стены. Она врезана в стены и сверху стенами прижата. Как она может упасть?

– Ну я-то откуда знаю? – фыркнул Кольцов. – Но она упала! Ты рубил, не я!

– Приедем и посмотрим, – невозмутимо сказал Илья. Наверняка Кольцов что-то путает. Не падают бревна с потолка

в новом, недавно срубленном доме!

Долину и лес, лежавший за ней, не тронула цивилизация, место было малолюдное, дикое. Строительство, конечно, не могло не сказаться на облике Долины, но, видно, с проектом работали неплохие дизайнеры: им удалось сохранить очарование этого места нетронутым. Деревья вырубали осторожно, только те, которые непосредственно оказывались на дороге или на пятнах под будущие дома. В результате получилось, что участки расположены в лесу, и в окнах домов будут видны не соседские сараи, а березы и сосны. Хоть канавы и расползлись, превратившись в овраги, это сделало их похожими на рвы вокруг сказочных замков. А мостики напротив въездов на участки, отстроенные заново, усиливали это впечатление.

Едва машина Кольцова повернула на дорогу к Долине, Илья в который раз поймал себя на мысли, что возвращается домой. И когда он успел так привязаться к этому месту?

– Сразу к новым хозяевам поедem, – сообщил Кольцов.

– Может, я переодеться зайду? – на всякий случай спросил Илья.

– Не надо, и так сойдешь. Перегаром только от тебя разит, это плохо. Подумают, что ты алкаш, – вообще не отмажемся. Жвачки, что ли, пожуй. В бардачке лежит.

Кольцов подъехал к воротам первого заселенного дома, заглушил мотор и на секунду задержался, видимо, собираясь с духом.

– Ну? Пошли? – вздыхая, спросил он Илью.

Илья пожал плечами – никакого повода для волнения он не видел. Однако его уверенность в себе слегка поколебалась, когда он заметил хозяина дома, который вышел им навстречу, как только они появились на участке. Им оказался большой мужчина, склонный к полноте, но неплохо с ней справлявшийся. Его тронутые сединой светлые волосы были гладко зачесаны назад, тяжелое лицо с едва наметившимся вторым подбородком искажалось гримасой гнева; небольшие, близко посаженные глаза метали молнии.

– По-моему, – шепнул Кольцов, – он нас сейчас убьет...

Илья толкнул его локтем в бок и ухмыльнулся.

– Не бойсь, разберемся.

– Ну? – рявкнул хозяин. – Вы Максимов?

– Здравствуйте, – вежливо кивнул Илья.

– Здравствуйте, – уже спокойней ответил мужчина.

– Я посмотрю, что случилось, можно?

– Смотрите, – хозяин махнул рукой в сторону дома. – И учтите, вам это так просто с рук не сойдет.

Илья не стал возражать. Не сойдет так не сойдет. Хозяин распахнул перед ним дверь, пропуская вперед, но сам в дом заходить не стал.

Бревно лежало на полу. Захотелось протереть глаза, но сомнений не оставалось никаких: бревно действительно упало. В двух шагах от порога на продавленном ударе паркетке темнело замытое кровавое пятно. Кровь впиталась в дерево,

и так просто оттереть ее не удастся. На стенах прихожей тоже виднелись бурые пятнышки – брызнула кровища во все стороны. Стены-то можно почистить шкуркой или болгаркой, а вот с полом придется повозиться.

Илья поднял глаза к потолку. Бревно, конечно, не выпало из стены. Похоже, его оттуда выломали. Он подошел поближе, нагнулся и обомлел: обломанный край бревна в лохмотья изгрыз жучок! Илья ковырнул пальцами трухлявое дерево – на пол посыпались гнилые щепки. Он перешел к другому краю – с ним было то же самое. Илья стукнул бревно носком ноги, собираясь пробить в нем дыру. Не тут-то было! Пальцы ударились в живое, твердое дерево. Он снова нагнулся и постучал в середину бревна кулаком – жучком там и не пахло. Это было нормальное бревно, не гнилое, не трухлявое! Жучок размочалил лишь его края и не тронул середину! Да это же невероятно!

Илья внимательней обстучал все четыре метра – бревно оставалось целым. Только сантиметров по двадцать на краях погрыз жучок. И когда успел? Да за год такое невозможно! Илья снова посмотрел вверх – обломанные края торчали из стены не более чем на десяток сантиметров, причем одинаковые с обеих сторон. Если бы жучок начал свое черное дело больше года назад, Илья бы заметил это, без всяких сомнений. Себе дороже положить в сруб гнилое бревно. Оно ведь обработано антисептиком, жучки должны были передохнуть! Да, лет через двадцать, когда антисептик выдох-

нется, они еще могут появиться. Но в новом доме? Нет, все это совершенно невероятно! Больше всего похоже на диверсию, странную и плохо продуманную. Ведь жучки могут прогрызть бревно совсем не так, как надеется диверсант. Если это диверсия, то ее автору сказочно повезло.

Илья повернулся к порогу, за которым стоял хозяин дома, широкой спиной загораживая низкорослого Кольцова.

– Подойдите сюда, – попросил Илья.

– А вы уверены, что мне на голову ничего не упадет? – хозяин с опаской глянул вверх.

– Теперь уже не уверен. Но мне-то пока ничего на голову не упало. Подойдите, посмотрите сами.

Хозяин снова поглядел на потолок, на Илью, но через порог переступил.

– Посмотрите, – Илья присел на корточки у торца бревна, – его сожрал жучок.

– Как это? – хозяин нагнулся и пощупал трухлявый край.

– Не знаю. С моей точки зрения, это невероятно.

– Вы что, положили в сруб бревно, пораженное жучком?

Илья покачал головой:

– Я не мог такого сделать.

– Интересное заявление, – скривил губы хозяин. – Однако бревно сожрал жучок?

– Видите ли, если жучок уже успел завестись в бревне, но его еще слишком мало, чтобы это было заметно со стороны, то его убьет антисептик. Но если это заметно, я никогда не

положу такое бревно в сруб. Что ж, я, по-вашему, настолько плюю на свою работу?

– Не знаю, – недоверчиво посмотрел на него хозяин.

– На меня никогда никто не жаловался... – Илья беспомощно приподнял и опустил плечо.

– Возможно, я буду первым, – пробормотал хозяин. – А может быть, вы забыли пропитать его антисептиком?

– Это исключено. Балка – одна из самых важных несущих частей сруба, я всегда занимаюсь ими сам. Я не мог забыть ее промазать. Посмотрите, ведь бревно здоровое, съедены жучком только края.

– Да? И что это означает?

– Не знаю, – спокойно ответил Илья. – Вообще-то такого в природе не бывает.

– Может быть, конкретно в этих местах бревно не было обработано? Ну, всякое же случается, пропустили участок...

Теперь хозяин не злился – скорей, он был озадачен. Не так, как сам Илья, но и ему показалась странной причина падения бревна.

– Даже если я что-то пропустил, все равно это не причина для жучка прогрызть именно эти места, он же не тонет в антисептике, а задыхается. И потом, я вожу кистью вдоль бревна, случайно пропустить два кольца – это маловероятно.

– И как вы мне все это объясните? – хозяин выпрямился в полный рост и навис над Ильей.

– Никак, – Илья покачал головой и поднял брови. – Я не

могу этого объяснить. Это случайность, очень странная случайность. Нарочно такого сделать нельзя. Даже если очень захочешь, жучка не заставишь сжевать два узких участка. Так что злой умысел можете исключить.

– Очень интересное объяснение... – пробормотал хозяин. – И что мне прикажете делать?

Илья снова пожал плечами.

– Вы хотите сказать, что вы здесь ни при чем, так я вас понял? – продолжил хозяин.

Илья кивнул.

– А где гарантия, что жучок еще что-нибудь в доме не сгрыз? Вдруг завтра упадет стена?

– Никаких гарантий, – усмехнулся Илья, – надо простукивать весь дом.

– Прекрасно! Вот вы этим и займетесь. Кроме этого, надо, наверное, заменить выпавшую балку, пока не обвалился потолок?

– Ну, потолок не обвалится, не на одной же балке он держится, но балку я, конечно, заменю, можете не сомневаться. У нас три года гарантии, так что независимо от причин я все сделаю. Но начал бы я с жучка, а потом только занялся потолком. Мне дня три надо, чтобы проверить дом, и на балку день-другой. Так что, если начать в понедельник, к следующим выходным я все сделаю.

– Нет уж! Вы хотите, чтобы я до четверга ходил по дому и вздрагивал? Будьте добры начать сегодня! Вечером приедет

моя жена, я бы хотел, чтобы основные детали вы проверили к ее возвращению! По крайней мере, я должен быть уверен, что ни одно бревно нам на голову не упадет!

Илья недовольно покачал головой:

– Видите ли, я сегодня должен ехать к ребенку, и завтра я обещал весь день провести с ним...

– Меня не сильно волнуют ваши семейные проблемы, – отрезал хозяин.

– А меня – ваши, – усмехнулся Илья. Но тут же подумал, что и сам считает нужным начать прямо сейчас. Ну кто же знает, если эта балка упала при столь загадочных обстоятельствах, нет ли в доме точно таких же? И впрямь, проблемы хозяина дома куда важней его собственных. Он ответил так по инерции, ему не нравилось, когда с ним разговаривают таким тоном. Он же не крепостной крестьянин, честное слово.

Илья думал, что хозяин разозлится от его наглого тона, но тот только недовольно сморщился:

– Даже если вы не чувствуете за собой никакой вины, это еще не повод пренебрегать нашей безопасностью.

– Согласен, – кивнул Илья, – и предлагаю компромисс. Я сегодня проверю самое основное, чтобы вы могли ходить по дому без опасений. А завтра появлюсь часов в двенадцать, я обещал сыну рыбалку. Мальчик будет мне помогать. А в понедельник, самый крайний срок – во вторник постараюсь закончить с проверкой. Устроит вас это?

Хозяин подумал и кивнул:

– Вполне.

– Тогда я переоденусь, пообедаю и приду.

– Вы рядом живете? – удивился хозяин.

– Я живу в избушке, около въезда в Долину.

– А, в этом гнусном домишке, который мы собираемся сносить?

– Почему же гнусном? Очень милый домик. Я хотел его отделать, резьбой украсить, он бы замечательно вписался в общий вид Долины, можете мне поверить.

– Даже и не думайте напрасно время тратить, – хозяин улыбнулся и махнул рукой, – мы снесем его не сегодня-завтра. Так что вам надо поискать новое помещение для бытовки.

Илья подумал, что спорить сейчас бесполезно, но к разговору этому решил вернуться при первом же удобном случае. Дело не в том, что он оставался без пристанища в Долине, – он жалел избушку. Привык к ней, полюбил ее. И наивно считал своим домом. С тех пор, как он развелся с Ларой, у него не было своего дома. Того места, которое можно так назвать.

Илья рассеяннo кивнул хозяину и вышел во двор. Смешно было думать, что кто-то из хозяев стройки послушает его доводы в пользу избушки. Смешно было рассчитывать на то, что он сможет жить в ней всегда. Это чужое имущество, и его владельцы вовсе не должны принимать в расчет его желания и потребности. Но все равно, как же было обидно!

Кольцов остался утрясать денежные вопросы с хозяином,

а Илья направился в избушку. В кармане запел мобильник, он не глядя снял трубку и мрачно прорычал:

– Да.

– Привет, дядя! Чего такой злой? – прочирикала ему в ухо Танька, которой он неосторожно оставил номер телефона.

– Да нет, ничего. У тебя что-то случилось?

Илья, конечно, предупредил, чтобы звонила она только по делу, но несильно надеялся, будто она так и сделает. Не ошибся.

– Да нет, я так. Прикинь, Леха приходил...

– Ну и? Конфет принес?

– Не то слово! Прикинь, чупа-чупсов купил, штук десять, и нарциссов. Помятых, конечно, но все же – цветочки! Я, собственно, только похвастаться хотела.

Илья хмыкнул себе под нос – конфеты он представлял себе по-другому. Но чего ожидать от неотесанного Лехи? И так большой прогресс.

Он поднялся на крыльцо, открыл дверь в избушку и остановился. Неужели и вправду снесут? Вот этот чудесный домик из бревен, отсвечивающих тусклым свинцовым блеском? С крышей, крытой гонтом? Он провел рукой по теплому, нагретому солнцем дереву, словно погладил. Переехать в безликий вагончик, где не будет теплой печки и Печника, который по ночам топает маленькими ножками по столу. Где вместо окошек, отделанных резными наличниками, будут «проемы», закрытые стеклопакетами. Хорошо если стек-

лопакетами, как у соседей, а то ведь и шатающимся стеклом, сквозь которое дует ветер.

Он покачал головой и вошел внутрь.

Судя по крепкому запаху перегара, Кольцов не соврал. Мишка валялся на лавке в столовой (видно, сил добраться до кровати ему не хватило) и громко храпел. На дощатом, плохо оструганном столе рядом с ним стояла початая бутылка «Столичной».

Илья понимал, что нет никакого смысла его будить и что-то выговаривать – Мишка все равно не вспомнит ни слова, когда протрезвеет. Но высказаться сильно хотелось. Еще сильнее хотелось шарахнуть Мишку мордой об стол.

– А ну просыпайся, падла! – Илья дернул Мишку за ногу в грязном ботинке.

Мишка издал долгий, мучительный стон.

– Вставай, зараза! Я пятьдесят баксов за твою кодировку всего неделю назад заплатил! Какого ты опять нажрался-то?

Мишка шумно, со всхлипом, вздохнул и сел, опустив ноги на пол. Глаза его были безумными, но он пытался придать лицу осмысленное выражение. А может, попросту хотел сфокусировать взгляд на «Столичной».

– Илюха... – заговорил он хрипло. – Болото. Кругом болото. Сыро, холодно. Дома провалились, сгнили все. Деревьев не осталось. Как жить, Илюха?

– В окно глянь, болезный, – Илья похлопал его по плечу. – До белочки-то еще неделю пить надо.

– Говорю тебе: болото кругом. Гниет. Как нарыв, изнутри гниет. Страшно.

Илья внезапно вспомнил, что снилось ему перед рассветом. Ясный, осязаемый сон. Сапоги проваливаются в вонючую жижу, под рукой ломается тонкий ствол гнилого деревца... Как нарыв, действительно – нарыв. Потому что внутри происходит нечто, медленно нарастает напряжение, как будто рано или поздно случится страшное.

– Ладно, – махнул он рукой, – спи себе, зараза.

– Илюха, как жить-то будем? – Мишкин взгляд в итоге сфокусировался. – На болоте жить нельзя.

– Да нету болота, приснилось тебе. В окошко посмотри. Солнце светит, листики распускаются.

– Значит, будет. Случилось что-то, Илюха, точно тебе говорю. Кастрюли гнутые на земле валяются, тарелки битые. Телевизор с разбитым экраном. Нету избышки нашей... гусеницы... домики твои раздавленные... Жалко домики...

Мишка всхлипнул сопливо, так что стало его жаль. Приснился сон плохой человеку, а он спьяну и понять не может, что это сон.

– Да вон же они, домики-то! – Илья махнул рукой на полку над столом. – И кастрюли на месте, и телевизор стоит. Приснилось тебе.

Было у Ильи увлечение – клеил он дома из спичек. Все дома, которые рубил, в спичках воспроизводил, и другие, которые понравились. Фотографировал со всех сторон понра-

вившийся дом, а потом собирал и на полку ставил. Модели своих срубов всегда в двух экземплярах делал – дарил хозяевам, это очень людям нравилось. Оба огромных терема из Долины он тоже склеил дважды. Так они пока и стояли на полке, вместе с сотней других спичечных моделей.

– Нет, Илюха, что-то случилось. Гусеницы, гусеницы... Железные, грязные...

Чует ведь, алкоголик несчастный... И откуда только? Ведь Илья еще слова ему не сказал.

– Может, не будешь пить сегодня больше, а? Я ребенка вечером привезу.

– Не буду, не буду. Вот похмелюсь только, и больше не буду.

Илья снова махнул рукой – бесполезно. Вот похмелится, проспится, еще раз похмелится, и так до бесконечности. Глядя на Мишку с Володькой, он дал зарок: по утрам ничем здоровье не поправлять, не пить даже пива – слишком хорошо рассмотрел, чем это заканчивается. Институтские друзья, с которыми он выпивал время от времени, удивлялись, иногда и обижались, что он отказывается пить два дня подряд, но потом привыкли, смирились, как и со всеми остальными его чудачествами. Правда, обычно они Илью с утра и не видели. Как-то само собой получалось, что под конец пьянки обязательно находилась какая-нибудь симпатичная (в ту минуту) особа, которой он был небезразличен.

Трезвым женщин Илья слегка побаивался, они живо напо-

минали ему семейную жизнь, Лару, мучительный, затянувшийся и все же свершившийся разрыв. Но, на его счастье, большинство из них не стремились к долгим отношениям. Рекордный срок общения с одной и той же дамой за последние пять лет составлял всего один месяц. Да и кому нужен плотник без жилья, обремененный алиментами и пожилыми родителями? Одного обаяния для серьезных отношений маловато, а сам Илья не очень-то хотел связывать себя чем-нибудь большим, чем случайные короткие романы.

Мишка нетвердой рукой потянулся к «Столичной», с трудом отвинтил пробку и вылил в кружку все, что оставалось в бутылке.

– Тебе не многовато для опохмела? – с сомнением спросил его Илья.

Мишка покачал головой, не столько отвечая на вопрос, сколько содрогаясь от предстоящего возлияния, и выпил водку шумными крупными глотками.

– Ну-ну, – проворчал Илья.

Мишка кашлянул, прикрывая рукой рот, – лекарство просилось наружу. И как раз в этот трудный для него миг в избушку вошел Кольцов, огласив кухню длинной матерной тирадой.

– Нет, ну бывает же запаadlo! – закончил он ее вполне мирно. – Вот скажи мне, Илюха, пока нас хозяева не слышат, как тебе удалось так быстро Залесского вокруг пальца обвести? Он ведь даже заплатить согласился за твою работу. Полови-

ну, правда, но все же! Я ж ни на что не рассчитывал.

— Да не обводил я его вокруг пальца, это по твоей части! — удивился Илья. — Я все как есть ему сказал.

— Ладно, — Кольцов качнул головой, — запишем в загадки. А ты чего, из-за избушки расстроился?

Илья пожал плечами.

— Да не бери в голову! Я с них вагончик стрясу, не хуже, чем у водопроводчиков. Со стеклопакетами! И не бойся, это он только так сказал, что не сегодня-завтра. У них там проблемы возникли. Избушка-то Залесскому не принадлежит, там шесть соток в чью-то собственность оформлены были еще лет тридцать назад. Так что пока они хозяина найдут да пока выкупят — до конца лета продержимся.

Илья поднял брови. Вот так номер! Это он два года жил в чьем-то доме? Может, поговорить с хозяином? В конце концов, у него есть кое-какие деньги... Впрочем, это бесполезно. Хозяева Долины все равно предложат больше. Да и смешно рассчитывать, что в таком месте, где до газа и водопровода десять метров, можно за пять штук зеленых участков с домом купить. Тут одна сотка в три раза дороже стоит.

Мишка смачно рыгнул, и Кольцов наконец обратил на него внимание:

— А ты что, опять водку жрешь? Дом надо добивать, через неделю кровельщики приезжают. Илюха, что ли, бревна будет строгать?

— Я — все, — Мишка гордо поднял голову, — с завтрашнего

дня – на работу. Честное слово!

– А то я не знаю твоего честного слова, – пробормотал Кольцов. – Завтра тебе «шаман» потребуется. Я платить не буду!

– Не, я сам, – Мишка испуганно замотал головой, – я теперь без детокса, сам выхожу.

Кольцов вопросительно глянул на Илью.

– Не-а, – Илья покачал головой, – это он только храбрится, дней пять попьет и доктора запросит. Ну, на шестой день он меня разжалобит, и я заплачу. Тогда он с чистой совестью дальше пить будет.

– А ты не жалобись, – фыркнул Кольцов, – нечего на него деньги тратить.

Сережка был совершенно счастлив и, разумеется, возбужден. В электричке он ни секунды не сидел на месте, хотя и изображал взрослого парня, серьезно смотрящего на мир. Даже делал вид, что читает книжку, которую Илья прихватил ему в дорогу.

Они сошли на станции, когда начинало темнеть. Чтобы поубавить его пыл, Илья предложил прогуляться. Единственным местом, прельстившим Сережку в качестве альтернативы избушке с неприлично храпящим Мишкой, оказалось кладбище. От электрички до кладбища было около полутора часов пешком, а оттуда до избушки – еще минут сорок пять. Илья надеялся, что большая прогулка по свежему воздуху для ребенка закончится крепким здоровым сном.

Но он просчитался. Рассказав не менее двадцати длинных страшных историй про покойников, Илья на подходе к избушке падал с ног от усталости, Сережка же готов был пройти еще столько же. Рассказы про покойников сына только будоражили. Ворвавшись в избушку, мальчишка отказался ужинать, прилип носом к окну в спальне и долго высматривал там мертвецов, со всех сторон окруживших домик.

– Щас, так они и придут! – ухмыльнулся Илья. – Жди дольше!

– Это почему это?

– Потому что покойники не появляются там, где свет горит. Вот ляжешь под одеяло, свет погасим, я усну – тут-то они тобой и займутся.

– Да я все равно не боюсь! – усмехался в ответ Сережка.

– Ага. Вот и не смей меня будить.

– И не подумаю даже.

– Вот и отлично.

Илья насильно затолкал в ребенка вермишель с сосисками, надеясь, что от этого он будет лучше спать. Но, засыпая, слышал, как Сережка ворочается в постели – ужин не помог. Да и сам он уснул не сразу, счастливо замирая от близкого присутствия сына, предвкушая завтрашнюю рыбалку и придумывая, какие истории расскажет мальчишке на следующий день. А потом вспомнил о том, что хозяева Долины собираются сносить избушку, и от его хорошего настроения не осталось и следа. Неужели? Он на секунду представил себе день, когда ему придется собрать вещи и уйти отсюда навсегда. В вагончик со стеклопакетами. Не объяснять же кому-то, что он так привык к ней, что начал считать своим домом...

Среди ночи его разбудил тихий Сережкин шепот:

– Папа! Папа, ты спишь?

Сперва Илья вскочил – по привычке, появившейся во времена Сережкиного младенчества. Но, проснувшись окончательно, опомнился и откинулся на подушку:

– Ну?

– Папа, там волк... – тихо, извиняясь, сообщил Сережка.

– Серый, ты чего? – Илья чуть не рассмеялся. – У нас на сегодня покойники запланированы, какой волк? По-моему, волки должны были закончиться во времена Красной Шапочки.

– Пап, я серьезно. Там волк, на улице.

– Волков не бывает, – Илья демонстративно повернулся к стенке.

– Это покойников не бывает. А волк есть, самый настоящий. Я отлить пошел, на улицу, а он там стоит и рычит. И глаза у него светятся.

Из столовой раздавался смачный Мишкин храп.

– Это дядя Миша храпит, а не волк рычит. Говорю тебе, волков не бывает.

– Пошли посмотришь сам, если мне не веришь! – Сережка оскорбился.

Илья недовольно поднялся. Наверное, со страшными историями он перебрал. Но все равно, для волков и Красных Шапочек поздновато. Не четыре года, одиннадцать – Сережка совсем взрослый парень.

Ночь стояла холодная, несмотря на теплый по-летнему апрель, но одеваться было лень. Илья вслед за Сережкой вышел на крыльцо, в чем был – в трусах, майке и босиком. Сережка тоже не утруждал себя поиском кроссовок в темноте, но Илья не стал занудствовать, пять минут босиком ребенку не повредят.

– Ну? – мрачно спросил он. Никакого волка поблизости не наблюдалось.

– Он был, он вот там стоял, – мальчишка показал рукой на ближайшее дерево.

– Ладно, согласен. Был волк. Он меня испугался и ушел. По-быстрому иди писать, и ложимся спать, холодина же.

Присутствие отца прибавило Сережке смелости. Он спустился с крыльца без страха, даже по сторонам не осмотрелся. Ступать босиком по щебенке, рассыпанной перед входом, ему было трудно, но он мужественно отошел на несколько шагов. Илья зевнул, и тут взгляд его уперся в два горящих в темноте глаза. Глаза смотрели на Сережку сбоку, мальчик видеть их не мог, продолжая осторожно ступать по дорожке все дальше от крыльца. Вокруг блеснувших глаз Илья то ли разглядел, то ли угадал темный силуэт огромного зверя.

Он слетел с крыльца и в два прыжка нагнал ребенка – как раз в ту секунду, когда зверь, издав жуткий рык, кинулся в атаку. Илья, прикрыв Сережку, наугад ударил прыгнувшего зверя и почти не промахнулся – кулак врезался в оскаленные зубы и отшвырнул того в сторону.

– Двигаем назад, к крыльцу, – успел он крикнуть ребенку, – от меня не отходи.

Соппротивление только разозлило зверя: он бросился снова, на этот раз ухватив Илью за левое запястье. Это дало возможность вмазать со всей дури ему в глаз: хищная тварь завизжала и разжала зубы. А с противоположной стороны уже

слышался рык второго зверя – Илья растерялся, не зная, с какой стороны прикрывать Сережку. Их что, целая стая?

Второй зверь оказался мельче первого, но куда проворней. Илья не попал кулаком в морду, зато животное исхитрилось и рвануло зубами правый локоть. И тут же кинулось снова. Тем временем большой зверь оклемался, ощерился и издал рык, похожий на львиный.

Илья мельком огляделся: толстая сосна стояла в двух шагах от Сережиной спины, до нее было гораздо ближе, чем до крыльца. По крайней мере, прикрывать мальчишку надо будет только с одной стороны. Оба зверя кидались и кидались, Илья молотил кулаками, и не было времени обращать внимание на разящие клыки.

И они отступили! Тяжелый зверь, получивший в нос, пришел в себя, встряхнулся, но напасть снова не осмелился: остановился в двух шагах и низко, зычно залаял. Илья едва не расхохотался: он ведь и вправду чуть не поверил в то, что это волки. Мысль о том, что это собаки, всего лишь собаки, придавала силы и уверенности в себе.

Глаза попривыкли к темноте, и Илья разглядел нападавших получше: псы были здоровые, один очень массивный, с толстыми лапами, второй – мельче и тоньше в кости. По-видимому, здоровый – это кобель, а ловкая – сука.

Он выдохнул, не очень-то расслабляясь. Звери рычали, лаяли и щерили морды – зрелище было жуткое. Илья попробовал сделать шаг им навстречу, но то ли шаг оказался

не слишком уверенным, то ли собаки были столь отважны, только они не отступили, а подались вперед, еще сильнее захлебываясь злостью.

Илья присмотрелся повнимательней: вроде как на собаках были ошейники. Может, и хозяйева рядом?

– Эй, – крикнул он не очень уверенно, – чьи песики?

Никто, понятно, не отозвался. Зато собакам крик его не понравился, они приблизились на полшага, демонстрируя серьезные намерения. Илья разглядел, что уши у них круглые, как у медведей, скорей всего купированные. Неужели кавказцы? Не похожи, да и мелковаты. Против двух кавказцев даже тренированный человек бессилен, а Илья без труда отбилсЯ от обоих. Может, выродки какие? Смесь пекинеса с волкодавом?

– Сына, ты не замерз? – спросил Илья, перекрикивая собачий лай, и потрогал Сережку рукой.

– Не пока, – выдавил парень.

– А я начинаю замерзать... Что делать-то будем?

– Не знаю...

Нет, ну не кричать же? Если хозяин у этих тварей есть, то он их услышит и без криков – лают они на всю Долину. Конечно, встречаются сумасшедшие, которые таким образом собак на человека притравливают, обучают, так сказать, в боевой обстановке. Но скорей всего кто-то неосторожно выпустил зверей на волю, побегать, порезвиться. Вот они и резвятся. И где их дом, неизвестно. И хозяин их может преспо-

койно спать в теплой постели.

– Надо к крыльцу двигаться, – крикнул он Сережке. – Осторожно только, медленно. Не испугаешься?

– Нет, – Сережка гордо хлюпнул носом.

– От меня ни на полшага не отходи.

– Хорошо.

– И спиной к ним не поворачивайся, в случае чего руками прикрывайся.

– Ага, – в голосе сына особой готовности прикрываться руками не чувствовалось.

Илья чуть сдвинулся в сторону. Совсем немного. Сережка прижался к нему сзади, цепляясь за майку, – собаки прощляли это движение. Илья постоял и слегка подвинулся еще. На этот раз от собак движение не ускользнуло, но в атаку пойти они не решились.

Позади остались еще несколько шагов. Тело онемело от холода, ноги ломило, Илья не чувствовал даже острых камней под босыми пятками. Ребенок запросто простудится от таких испытаний. Собаки не унимались – им нравилась эта веселая игра.

– Сережка, замерз? – крикнул Илья.

– Есть немного, – отозвался сын.

– Еще чуть-чуть.

И когда Илья хотел снова сдвинуться в сторону, ему в лицо ударил свет мощного фонарика.

– Азат! Айша! – услышал Илья спокойный женский голос.

Ну наконец-то! Он прикрыл рукой лицо, прячась от света, но так и не разглядел хозяйки собак.

— Ко мне! — скомандовала женщина.

Илья расслабился и хотел повернуться к Сережке, но собаки и не подумали повиноваться. Скорей наоборот, присутствие хозяйки их еще больше раззадорило.

— Я кому сказала! — прикрикнула невидимая женщина. Но и это на собак впечатления не произвело. Свет фонарика начал приближаться — хозяйка подошла поближе, видимо собираясь взять зверей за ошейники. Фонарик она опустила ниже, теперь он не светил Илье в лицо, но свет ослепил его, и ничего, кроме того, что фонарик высвечивал из темноты, он увидеть не мог. Обе псины были черные с белыми пятнами, не только с купированными ушами, но и с куцыми хвостами.

Стоило хозяйке приблизиться, кобель, вместо того чтобы послушаться, перестал лаять, повернулся к ней и обнажил клыки с серьезным, угрожающим рыком. Сука тоже замолчала и подозрительно покосилась на кобеля.

— Это что такое? — женщина от негодования отступила на шаг. Кобель, обрадованный неожиданным успехом, шагнул в ее сторону, и рык его стал еще более уверенным. Вслед за ним к хозяйке повернулась и сука, и вовсе не для того, чтобы продемонстрировать любовь и радость.

Илья слегка растерялся. Ничего себе собачки... Но, учитывая, что обе твари не смотрят в его сторону, обернулся, подхватил Сережку под мышки и в один прыжок оказался

на ступеньках крыльца. Сука повернулась было к нему, но передумала: ее больше занимало противостояние кобеля и ее хозяйки.

– Быстро за дверь, – Илья подтолкнул Сережку вперед и вверх и повернулся обратно к собакам.

– Азат, это как называется? – в голосе женщины уже не было прежней уверенности. Фонарик в ее руке дрогнул. Кобель ответил на ее слова новым рыком.

– Вам помочь? – вежливо поинтересовался Илья, не сходя со ступенек крыльца.

Женщина направила фонарик ему в лицо, отчего Илье снова пришлось прикрыться рукой.

– Я справлюсь сама, – с достоинством ответила она, убирая свет.

– Мне так не кажется, – усмехнулся Илья. – Не двигайтесь, я сейчас подойду.

Он с трудом переставил застывшие ноги на щебенку перед крыльцом.

– Они еще щенки, – отозвалась женщина недовольно, – я разберусь с ними сама.

Видимо, она шевельнулась, потому что кобель гавкнул и щелкнул зубами. Фонарик в ее руке дрогнул сильнее, и она снова отступила на шаг. Сука зарычала вслед за ним.

– Ничего себе щеночки, – Илья сделал два шага в сторону собак. – Какого черта вы их отпускаете, если они вас не слушают? Они ребенка чуть не покусали.

– Я их не отпускала! – фыркнула женщина.

– Ага, я их отпустил, – Илья едва успел отдернуть руку, когда шустрая сука повернулась к нему и хотела цапнуть. Но он исхитрился, ухватил ее за ошейник и слегка придушил, обернув ошейник вокруг ладони. Сука попыталась освободиться и захрипела с подвизгиванием. Кобель, увидев, что на его подружку напали, оставил хозяйку в покое и ринулся суке на выручку. Илья прикрылся телом собаки как щитом, развернув ее боком к кобелю и продолжая все ту же закручивать ошейник на руке. Сука – ерунда, справиться бы с кобелем. Щеночки!

Кобель сопротивлялся долго и, уже схваченный за ошейник и придушенный, исхитрился оставить на руке Ильи сквозную дырку от двух сомкнувшихся клыков – верхнего и нижнего. Ощущение было такое, что руку проткнули дыроколом. Наверное, выругался Илья не очень прилично, потому что услышал, как возмущенно фыркнула хозяйка. Придушенный зверь потихоньку слабел, движения его стали вялыми – он готов был сдаться. Еще немного, и глаза его закатились.

– Вы убьете собаку, – равнодушно констатировала хозяйка.

Илья пропустил мимо ушей ее слова, сосчитал до десяти, а потом чуть ослабил удавку. Едва воздух пошел псу в глотку, он снова рванулся и клацнул зубами. Илья опять зажал его шею и придавил голову к земле. Пес тут же расслабился

и прикинулся мертвым.

– Ну что? – злорадно спросил у него Илья. – Хватит?

Сука лежала рядом ни жива ни мертва – зажмутив глаза и прижав уши. Илья позволил кобелю вдохнуть – на этот раз он вырываться не стал, продолжая лежать не шевелясь.

– Вот и отлично, – Илья встал на колени, слегка опираясь на обеих собак, – поднимаемся потихоньку.

– Им всего по семь месяцев, – сообщила хозяйка, – их еще рано обучать.

– Ерунда, – прорычал Илья, поднимаясь на ноги и дергая за собой пса, – куда их вести?

– Как куда? На участок, конечно!

Она снова посветила ему в лицо фонариком, только руки у него были заняты, поэтому он поморщился и отвернулся в сторону. Фонарик она тут же опустила ниже, и только тут Илья сообразил, что стоит перед незнакомой женщиной в семейных трусах и неприличной вытянутой майке. Но вместо того, чтобы отвести от него луч света, она нарочно задержала фонарик, как будто хотела его получше рассмотреть. Он же ее не видел, и это вывело из себя еще сильнее.

– На какой участок? – раздраженно спросил Илья, не зная, как заставить ее убрать свет.

– Здесь что, много участков застроено? – невозмутимо спросила она в ответ.

Ба, да это жена хозяина дома, в котором упала балка, первые жильцы Долины! Вот угораздило!

– Светите, пожалуйста, не на меня, а вперед. Я босиком и не вижу, куда идти.

Женщина все же повернула фонарик на дорожку, но в темноте Илье показалось, что она недовольно дернула плечами.

– Пап! – тут же услышал он с крыльца.

Он оглянулся, но после яркого света ничего на крыльце не увидел.

– Ты оделся? – спросил Ильа: он бы предпочел, чтобы Сережка сидел в теплой избушке, а лучше всего – лежал под одеялом.

– Да, пап, я тебе кроссовки несу.

– Спасибо, сына. Это очень кстати. Только не подходи близко, поставь их на дорожку.

– Хорошо, – немедленно согласился ребенок, сбегая с крыльца.

Хозяйка собак не преминула осветить и Сережку, тщательно обходившего суку с прижатыми ушами. Он действительно нормально оделся, даже куртку застегнул. Не иначе сильно промерз! Если ребенок простудится, Лара его никогда в Долину с ночевкой не отпустит.

Руки были заняты, и надеть кроссовки как следует не удалось – пришлось идти, сминая пятку, с развязанными шнурками. Но это показалось Илье значительно лучшим, чем шлепать босиком по острым камням.

– Пап, можно я пойду с вами? – спросил Сережка.

– Пошли, – согласился Илья, – только близко к собакам не подходи.

Он подумал, что с сыном будет чувствовать себя не так неловко в присутствии этой уверенной женщины, да и идти было недалеко.

– Я дядю Мишу будил, но он так и не проснулся...

– Да где ж ему проснуться! – хохотнул Илья.

Когда повернули на асфальт, Илья увидел, что участок ярко освещен прожекторами с трех сторон. Света было достаточно, чтобы он смог разглядеть очертания фигуры хозяйки: рослая, наверное выше него, очень стройная – ну просто модель. Женщина шла, откинув плечи и грациозно выкидывая вперед ноги, как будто по подиуму.

Илья мрачно взглянул на свои шаркавшие по асфальту кроссовки.

Чем ближе они подходили к участку, тем светлее становилось вокруг и тем лучше Илья мог рассмотреть незнакомку. Нет сомнений, это была очень красивая женщина, на нее хотелось смотреть и смотреть, а с другой стороны, невыносимо раздражала сложившаяся ситуация. В конце концов он не выдержал неловкости и спросил:

– Зачем же вы их выпускаете, щенков ваших? Не болонки ведь.

Женщина медленно повернула голову в его сторону, смерила взглядом и ответила, презрительно приподняв губу:

– Я же сказала, что их не выпускала.

– Но кто-то же их выпустил, разве нет?

– Я так думаю, это кто-то из ваших пошутил. Когда я выходила, калитка была открыта, а я сама закрывала ее перед тем, как уйти спать. Не запирала, но собаки сами ее открыть не могли.

Она снова дернула плечом, словно хотела скинуть с себя что-то неприятное.

– Нас тут всего трое: мы с Сережкой и Мишка. Только Мишка спит беспробудно, ему до вашей калитки дела нет. А я, знаете, не сумасшедший.

– Ребенок мог пошутить, – невозмутимо пожала она плечами.

Сережка поспешил вмешаться:

– Я что, по-вашему, встал среди ночи и пошел ваших собак выпускать? Я тоже не сумасшедший!

Они подошли к распахнутой калитке, и женщина изящно повела рукой, пропуская его вперед. Илья вышел на ярко освещенный участок и тут же справа от себя увидел вольер, где, видимо, следовало запереть собак. Дверь в вольер оставалась открытой.

– Папа! – крикнул Сережка, который зашел в калитку последним. – У тебя кровь!

В вольере Илья не без опаски выпустил сперва суку, а потом и кобеля. Но, похоже, звери смирились со своей участью, поэтому никаких попыток напасть или сбежать не сделали. Он с радостью захлопнул за собой дверь и задвинул широ-

кий засов.

– Папка! – Сережка кинулся к нему и повис на шее. – Ты такой крутой!

– Да ладно, – смущенно пробормотал Илья, хлопая Сережку по плечу.

– Вы испортите его курточку, – поджала губы незнакомка.

Илья взглянул на руку и отодвинул ее подальше от Сережки – кое-где кровь уже запеклась, но все равно еще капала на землю. По дороге он этого не замечал, а теперь почувствовал, что искусанные руки ноют, особенно если опустить их вниз. И замерз он до того, что вот-вот начнут стучать зубы.

– Пожалуй, нам пора, – сказал он себе под нос, отстраняя Сережку.

– Может быть, вас перевязать? – женщина чуть наклонила голову и посмотрела на него вопросительно.

– Нет, спасибо, – ответил Илья, подталкивая Сережку к калитке, – я как-нибудь сам. До свидания.

В воскресенье Ника поднялась довольно поздно и посмотрела в зеркало с испугом – от нервотрепки прошедшего дня и бессонной ночи лицо побледнело и осунулось, под глазами залегли тени.

Прошлой ночью она долго не могла уснуть. Едва сон брал ее в свои объятия, ей тут же являлись мутные желтые кошачьи глаза на окровавленной оскаленной морде. В ее кошмаре мертвый зверек вставал на ноги, заходил в гостиную, уверенно поднимался по лестнице, лапой открывал дверь в ее спальню и прыгал ей на грудь. А она не могла шевельнуться, чтобы сбросить его с одеяла. И только когда он холодным носом начинал тереться об ее лицо, она в ужасе просыпалась и долго старалась прийти в себя, не понимая, где сон, а где реальность. Так повторялось несколько раз, пока Ника не решила встать и проветриться.

Она накинула шелковый халатик и вышла на балкон.

Ночь была свежей, даже холодной, лес, стеной стоявший за забором, в темноте показался ей зловещим и живым. Она вспомнила, как кот незадолго до своей гибели рычал и всматривался в его глубину. Нехоженный, дикий, страшный лес.

Из темноты на нее смотрело нечто. Ника внезапно почувствовала себя беззащитной, маленькой, одинокой и беспо-

мощной. Ей захотелось спрятаться, залезть под одеяло, накрыться с головой и оставить включенным свет, но взгляд из леса приковал к себе, она не могла решиться уйти с балкона. Казалось, стоит ей только развернуться к лесу спиной, как что-то огромное и темное кинется ей на плечи, уронит, раздавит, вопьется в шею острыми длинными зубами, пахнет в лицо холодным смрадным дыханием...

Ника передернула плечами: пережитый стресс все же не прошел для нее даром. Надо спуститься в кухню, выпить чего-нибудь успокоительного и наконец уснуть.

Но когда она повернулась и хотела шагнуть с балкона в комнату, то услышала грозный лай своих собак. И лаяли они не во дворе – гораздо дальше от дома. Ника насторожилась: только не хватало, чтобы злобные псы покусали какого-нибудь одинокого прохожего! Неприятностей после этого не оберешься!

Была надежда, что псы загнали на дерево белку или кошку, поэтому и тявкают. Но собаки слишком опасны, чтобы Ника могла спокойно улечься обратно в постель. Взясся за гуж – не говори, что не дюж! Если ей так захотелось иметь у себя во дворе крутых злобных охранников, то теперь придется за это расплачиваться.

Она вернулась в спальню и оделась, прислушиваясь, не прекратится ли лай. Нет, лай если и смолкал на несколько секунд, то вскоре начинался снова.

Несмотря на включенные во дворе прожектора и мощный

фонарик, идти ночью по Долине было тревожно, и близость собственных собак нисколько не придавала уверенности в себе. Когда же Ника увидела впереди почерневший уродливый домишко и поняла, что собаки облаивают что-то у его крыльца, она совсем струсила. Настолько, что мурашки пробежали по спине. Днем домишко выглядел всего лишь незатетичным, даже омерзительным, в темноте же производил впечатление гнетущее. Ника вновь представила себе чешуйчатую птичью ногу, спрятавшуюся под землей, и посветила фонариком в окна избушки. Ей показалось, что в окне мелькнул чей-то силуэт, а потом она явственно разглядела бледное узкое лицо, неотрывно глядевшее на нее из-за стекла. Интересно, кто это может быть? Неужели в домике кто-то живет?

Она поспешно отвела луч фонарика от окна.

Ее надеждам на белку или кошку не суждено было сбыться. Наоборот, подтвердились самые худшие ее опасения! Она нашла собак лучом света и увидела лохматого мужчину в трусах, прикрывавшего собой ребенка. Похоже, мужчине от собак уже досталось – руки у него перепачкались в крови. Что эти люди делают здесь среди ночи? Да еще и в таком виде, как будто только вылезли из постели?

Предположим, мужчина может быть одним из рабочих, но откуда тогда ребенок? И неужели рабочие ночуют здесь, в этом отвратительном и пугающем домике?

Ника попробовала отозвать собак, но возбужденные, раз-

горяченные звери и не думали слушаться! А ведь ее предупреждали, что эти собаки неуправляемы. И возраст у них такой, когда они пробуют свои силы.

Ника несколько не сомневалась, что сможет заставить их подчиниться. Она была уверена, что воля и невозмутимость сделают свое дело лучше, чем крики и физическое воздействие, хотя инструктор и говорил, будто такие собаки понимают только жестокую расправу. Но она и не представляла себе, каким страшным мог быть ее пес!

Если бы этот рабочий не влез со своим желанием помочь, Ника бы, бесспорно, смогла взять себя в руки и доказать собакам, кто здесь хозяйка. Но, признаться, в ту минуту она была ему даже благодарна. И судя по его поведению, он не собирался устраивать скандал, что тоже сильно ее обрадовало, хотя и удивило. Обычно люди такого сорта стараются выжать из ситуации как можно больше денег. Она всерьез подозревала, что рабочий мог открыть калитку и выпустить собак именно с этой целью, и тот сильно озадачил ее, когда ограничился лишь недовольным брюзжанием.

Как бы там ни было, после того как собак препроводили в вольер и Ника вернулась в постель, заснула она легко и проспала до самого утра без всяких тревог и кошмаров. И только утром подумала, что поступила опрометчиво, позволив этому рабочему расправиться со своими псами: стоило разобраться с ними самой. И чего он сунулся? Она разве просила его об этом? Нет, ну каков! Были бы собаки чуть-

чуть постарше, ему бы никогда не удалось так легко с ними совладать. Интересно, любой мужчина может так легко с ними справиться? Неужели она напрасно обольщается, будто собак вполне достаточно для охраны дома? Этот, во всяком случае, не показался ей очень крутым. Хотя, надо отдать ему должное, на Нику он произвел впечатление. Не столько силой, сколько отвагой. Алексей, разбираясь с псами, надевал на них намордники и никогда не пытался справиться сразу с обоими.

Ника привела в порядок лицо – она и дома должна выглядеть красивой, несмотря на то, что видит ее только Надежда Васильевна. Тени под глазами все равно остались заметными, и Ника решила вечером лечь пораньше, чтобы к завтрашнему дню прийти в норму.

Как бы ни был ужасен вчерашний день, она не собиралась предаваться унынию. Разве не мечтала она о работе в уютном кабинете с видом на Долину? Сколько раз она представляла себе, как усядется в кресло перед компьютером и в окне, вместо каменных стен, увидит деревья и проблеск реки между ними? Люська правильно сказала: кажется, будто она одна на много километров, никто не потревожит ее здесь, никаких посторонних звуков, вместо шума машин – шелест листьев. И пусть воплощение ее мечты не будет омрачено никакими трагедиями.

Ника так долго ждала этого дня, что направилась в кабинет сразу, решив позавтракать позже. Да и для фигуры это

будет полезно. Она опасалась, что радостное возбуждение не позволит ей погрузиться в работу, но как только включила компьютер, перевод полетел вперед так быстро, как никогда. Она чувствовала странное вдохновение и потеряла счет времени, а когда взглянула на часы, выяснилось, что скоро пора обедать, а она еще не завтракала. Стоило пойти и попросить Надежду Васильевну сварить хотя бы кофе.

Ника потянулась блаженно – надо же, сбывались самые лучшие ее надежды. Здесь и вправду отлично работается! Замечательное место, замечательный дом, чудесный кабинет. Если бы не вчерашнее происшествие, можно было бы считать себя совсем счастливой. Она перечитала последний переведенный абзац и осталась вполне собой довольна: «Новость естественным образом повергла людей в уныние, и их завтрак имел довольно мрачное настроение. Поднимаясь по лестнице, Фред слышал раздававшиеся изнутри громкие звуки их разговора». У кого-то уныние, а у нее – бодрость и оптимизм!

Только тут Ника вспомнила: Алексей говорил о каком-то плотнике, который должен проверить дом, – если упала одна балка, может упасть и другая, и третья. Ника не собиралась вдаваться в технические подробности, но Алексей утверждал, будто произошел нелепый несчастный случай, и вины строителей в этом быть не может. Ника не очень-то в это поверила. Кто-то же должен нести ответственность за случившееся? Она с опаской глянула на потолок. Муж утверждал,

что балки падать не будут, к ее приезду основные конструкции уже проверят. Но что помешает рабочим сказать, что все в порядке, даже если они обнаружат неисправность? Ведь если гнилых балок окажется несколько, всем станет очевидно: никакого несчастного случая не было, и называется это халатностью, преступной халатностью.

Ника сжала губы и с шумом отодвинула кресло от стола. Ну и где этот плотник, который должен проверять дом? Надо бы проконтролировать его работу, Алексей же пустил это на самотек, уехал и оставил ее одну, прекрасно зная, что она ничего в этом не понимает и не собирается понимать.

Ника вышла из кабинета и еще на лестнице услышала негромкий перестук молотков. Значит, плотники все же работают. Наверное, их впустила Надежда Васильевна и решила не тревожить ее такими пустяками. Ну и хорошо. Ника с отвращением представила, как, вместо того чтобы сидеть за переводом, будет присматривать за рабочими, и идея ей не понравилась. Пусть это останется на совести Алексея.

Она зашла в столовую и неожиданно вместо плотника увидела мальчика лет десяти-одиннадцати, который маленьким молоточком осторожно стучал по стене, двигаясь вдоль бревен в сторону кухни. Вот тебе раз! Вот это проверяющий! И после этого Алексей будет говорить, что ни одна балка больше не упадет? Нет, такого безобразия она и вообразить себе не могла! Ника задохнулась от возмущения и быстрыми шагами направилась в кухню, где слышался стук молотка по-

тяжелее, – может, кто-нибудь из взрослых тут все-таки есть?

Она распахнула дверь и огляделась: рядом с выходом, у противоположной стены на корточках сидел ее вчерашний непрощенный помощник – рабочий, ночующий в почерневшем домишке. Обе руки у него были небрежно забинтованы. А мальчик, по-видимому, приходился ему сыном. Странно: ребенок выглядел хорошо и аккуратно одетым, чего не скажешь о его отце: засаленные джинсы и застиранная до дыр футболка. Волосы он, скорей всего, никогда не причесывал – они оставались такими же лохматыми, как и ночью.

Плотник поднялся, увидев Нику, и вежливо кивнул. Вид у него был смущенный, безусловно он понимал: без разрешения вести ребенка в чужой дом, да еще и доверять ему свою работу, выглядит верхом беспардонности. Ну что ж, она все равно сообщит ему, что думает по этому поводу.

– Добрый день. – Ника сжала губы и строго спросила: – А что ваш мальчик делает в столовой?

Плотник скромно пожал плечами, улыбнулся и тихо ответил:

– Здравствуйте. Ну, вообще-то он делает то же, что и я...

Ника не поняла смысла его улыбки, несомненно, обаятельной и располагающей к себе. Нет, никакое обаяние ему не поможет!

– А почему мальчик выполняет за вас вашу работу? Не думаю, что ребенок в состоянии выполнять работу взрослого человека. Боюсь, вам придется перепроверить столовую

заново.

Улыбка медленно сползла с его лица, он снова пожал плечами и ответил:

– Я вполне ему доверяю. Не такая уж это сложная работа.

– Вы ему, может, и доверяете, а я нет, – отрезала Ника. – Жить здесь мне, так что извольте после того, как закончите простукивать кухню, вернуться к столовой. Мы вам платим и имеем полное право требовать качественной работы.

Вместо того чтобы извиниться и принять ее слова к сведению, плотник вскинул лицо, на котором резко обозначились скулы, и ответил жестко и безапелляционно:

– Я отвечаю за качество работы независимо от того, кому ее поручаю. Так что можете быть вполне в нем уверены.

Ника сначала опешила от его наглости. Что он себе позволяет? Да как он смеет ей возражать? Может быть, он не понял, кто она такая? Его дело – молча слушать ее распоряжения и скромно кивать!

– Что?! И вы говорите это после того, как я вчера собственными глазами видела, как от кота осталось мокрое место? Да это просто чудо, что бревном не убило никого из нас. Если бы балка задела кого-нибудь из людей, мы бы с вами сейчас разговаривали не здесь, а у прокурора в кабинете. И уверяю вас, разговор бы имел самые неприятные для вас последствия. И вообще, как вам в голову пришло пустить сюда ребенка? А если ему на голову что-нибудь упадет, кто будет за это отвечать? Я?

Плотник усмехнулся, качнул головой и спокойно ответил:

– Ну, на голову больше ничего не свалится, это я проверил вчера. А деньги мне платит мой работодатель, а не вы. Так что если вас что-то не устраивает – это к нему.

– Ах, к нему? – Ника задохнулась (ну что за наглец!). – Хорошо. Наверное, работодателю интересно будет узнать, кто вместо вас простукивает бревна.

– В отличие от вас, мой работодатель мне доверяет, – хмыкнул плотник.

– Боюсь, он перестанет вам доверять, когда я сообщу, кто здесь работает на самом деле, – прошипела Ника. – И вообще, перестаньте пререкаться и делайте то, что я вам говорю.

– Ну, доверять он мне, предположим, не перестанет, – насмешливо ответил рабочий, – мне поручено проверить дом на наличие жучка – я сделаю это так, как считаю нужным. Если вам покажется, что я сделал это недостаточно добросовестно, можете вызвать еще кого-нибудь, перепроверить. Только, честное слово, это будет напрасной тратой денег.

Нет, что он себе позволяет? Как он смеет говорить с ней подобным тоном? Да Алексею стоит пальцем шевельнуть, и он вылетит с работы в тот же день!

– Мне никогда ничего не кажется, – твердо сказала Ника, стараясь не выдать своего возмущения. – И если вы лично не простучите столовую, я немедленно позвоню мужу и сообщу ему, что здесь происходит. Будьте уверены, после этого у вашего работодателя будут большие проблемы, а про вас

и говорить нечего.

Плотник нисколько не испугался и опять пожал плечами:

– Я не боюсь проблем. Даже очень больших. Я привык отвечать за свою работу, но никто не будет указывать мне, как ее лучше сделать. Вы напрасно тратите время и нервы.

Ника шумно вздохнула, не в силах сдержать раздражения:

– Ах вот, значит, как? Никто вам не указ, даже те, кто вам платит. Хорошо. Я прямо сейчас звоню мужу, и тогда мы посмотрим, кто должен давать вам указания. И Алексей хорош – смотреть надо, кого нанимаешь. Сейчас я ему все выскажу...

Плотник пробурчал себе под нос:

– Ну-ну, давай, высказывай...

Ника кинула на него взгляд, полный презрения, вытащила мобильный и соединилась с Алексеем. Он как назло долго не снимал трубку, а плотник в это время ехидно смотрел на ее лицо и время от времени хмыкал. Ничего, она найдет способ с ним управиться! Скоро ему будет не до смеха!

Но Алексея, похоже, совсем не впечатлил рассказ Ники, он лишь устало вздохнул и попросил передать трубку плотнику. И тот не выглядел ни испуганным, ни смущенным, взял трубку и поздоровался. Ника не слышала, что говорит ему Алексей, и сильно об этом жалела: ей было любопытно, как ее муж решит подобную проблему.

– Я же говорил, что он будет мне помогать. Вот и помогает по мере возможностей, – благодушно сказал плотник Алек-

сею и после паузы продолжил: — Я сам вчера проверил все ответственные места. Теперь просто жучка ищем... Совершенно верно, я за это ручаюсь... Давайте сделаем так. Я не могу лишить ребенка этой радости, пусть стучит. К тому же ему через полчаса это надоест. Я завтра перепроверю сам, когда он уедет, чтобы ваша жена была спокойна.

Ника недовольно скривила губы. Оказывается, Алексей не умеет ставить зарвавшихся рабочих на место! Этот плотник, видите ли, вместо того чтобы работать, предоставил ее дом своему ребенку в качестве игрушки! Он не может лишить ребенка радости! Она фыркнула, когда рабочий протянул ей мобильный со словами:

— Это вас.

Ника выхватила трубку у него из рук.

— Мы с ним вот на чем порешили: мальчик с полчаса с ним побудет, он вчера предупредил меня, что придет работать с сыном, у него же выходной сегодня официально. Ребенка девать некуда. А завтра с утрачка он тебе столовую еще раз простучит, так что ты не волнуйся. У тебя что-нибудь еще ко мне есть? Давай все сразу выкладывай, а то я по горло занят.

Что ж, Алексей добился результата: столовая будет проверена. Только удовлетворения Ника почему-то не почувствовала. Впрочем, с мужем плотник говорил хоть и спокойно, без страха, но был достаточно корректен. Может, все же побаивается его? Вон как быстро согласился простучать столовую. Но почему-то эта мысль не показалась ей правдоподоб-

ной.

– Да ничего у меня больше нет, мне и этого хватило, – процедила она в трубку. – Только непонятно, зачем надо было закатывать такой скандал, мотать нервы мне и отвлекать тебя от работы. Вечером созвонимся. Целую.

Она положила трубку в карман, подняла голову и вышла из кухни, не удостоив плотника взглядом. Зарвавшийся наглец! Внутри все кипело, она чувствовала себя униженной, невзирая на то, что добилась желаемого. Он говорил с ней как... как с равной! Как будто не видел, кто есть он, а кто – она! Теперь непросто будет успокоиться и включиться в работу. К тому же она так и не сказала Надежде Васильевне, чтобы та принесла ей кофе.

Часов в пять Ника благополучно забыла о происшедшем днем инциденте, хотя и нелегко было избавиться от неприятного осадка, который остался после него. Работалось ей, вопреки всему, отлично. Она успела перевести раза в полтора больше, чем всегда. Конечно, она никуда не торопилась – сроки не поджимали, – и работать, чтобы получить больше денег, ей, слава богу, не требовалось. Но превращаться в скучающую домохозяйку Ника не собиралась. Работа приносила ей удовлетворение и давала чувство уверенности в себе.

И надо же было спуститься в столовую именно в ту минуту, когда наглый плотник уходил! Ника не хотела с ним

встречаться, а уж тем более говорить, но столкнулась с ним нос к носу в дверях гостиной. Он вытолкнул своего сына в прихожую и, несмотря на то что Ника собиралась пройти мимо, с вызовом сообщил:

– Я на сегодня закончил. Вы на ночь собачек как следует запирайте, если вам не трудно. До свидания.

Он уже хотел выйти, но Ника вспыхнула и не сумела смолчать:

– Это вы мне говорите? Ваше дело работать на совесть, а не давать мне указания в моем собственном доме.

Ей очень хотелось, чтобы он почувствовал наконец, где его место! И происшествие с собаками не дает ему права заноситься так высоко.

– Вот и держите собак в своем собственном доме, чтобы они не подходили к моему, – плотник кивнул, как будто прощался.

– А у вас здесь дом? – Ника подняла брови и ослепительно улыбнулась. – Не знала, что у меня появился такой приятный сосед. И когда же вы успели обзавестись недвижимостью?

Это слегка сбilo с него спесь – он втянул голову в плечи и неуверенно пробормотал:

– Я здесь живу...

– Вы здесь живете, пока работаете, – Ника глянула на него сверху вниз, закрепляя победу, – и еще вопрос, как долго вы на этой работе задержитесь.

Но плотник нисколько не смутился, усмехнулся и покачал

головой:

– Ну, на этот счет можете не беспокоиться, задержусь.

– А меня не беспокоит, останетесь вы здесь или нет, – фыркнула Ника, – единственное, что меня интересует, это чтоб в моем доме вы сделали все, что от вас требуется.

– Может, проще нанять кого-нибудь, кому вы доверяете? – плотник насмешливо поднял брови и наклонил голову. – И вопрос отпадет сам собой. Жаль, проблему с вашими собаками так просто разрешить не получится.

– Мои проблемы – не ваша забота, – сердито сказала Ника и почувствовала, что, сама того не желая, спорит с ним как с равным, вместо того чтобы указать ему на его место.

Плотник тихо засмеялся и на секунду приподнял руки, демонстрируя Нике бинты, сквозь которые местами просочилась кровь:

– К сожалению, ваши проблемы почему-то превращаются в мои.

– Никто ни от чего не застрахован. Что вы ко мне привязались? Бойтесь за себя, бойтесь за ребенка – уезжайте. Найдем кого-нибудь вместо вас.

– Того, кто собак не боится? – плотник снова наклонил голову и растянул губы в улыбке.

Нет, надо немедленно прекращать этот разговор! Иначе он и вправду подумает, что Ника воспринимает его всерьез.

– Вы закончили работу? Если да, то вы свободны. У вас, по-моему, выходной сегодня, а мне еще поработать надо.

Пока плотник подбирал слова для ответа, она успела выйти в столовую и захлопнула за собой дверь, давая понять, что говорить ей с ним не о чем.

В понедельник вечером, довольно поздно, в дверь избушки постучали. Илья никого не ждал в такой час, он в это время валялся на кровати и читал. Простукивать дом он закончил, жучка нигде не обнаружил и в который раз подивился тому, как же все-таки случилось упасть этой злосчастной балке. Хозяйка дома с красивым именем Вероника не сказала ему ни слова, отчего было обидно и как-то не по себе. А ведь еще как минимум два дня ему придется торчать в ее доме. Она притягивала его чем-то, вызывала жгучий и какой-то иррациональный интерес. Загадочная, надменная, холодная – как снежная королева. Ладно, он готов простить ей снобизм, граничащий с дурным воспитанием. Но зачем она на каждом шагу поминает избушку, которую вот-вот снесут? Да, он пробовал заговорить об этом с ее мужем, но ничего не добился, только поставил себя в дурацкое положение. Залесский лишь посмеялся над ним, не злобно, по-доброму так, снисходительно. Лучше бы он распустил пальцы и попытался поставить наглого плотника на место, тогда можно было бы ответить грубостью на грубость. А чем можно ответить на благосклонную улыбку?

Непросыхающий Мишка как всегда храпел на лавке в столовой. Пришлось встать и выйти навстречу гостям – Илья успел запереть двери на ночь.

На пороге стоял старик. Очень старый, столько не живут. Но особенный. Илья привык видеть стариков бедными, побитыми жизнью, непритязательными в еде и одежде. Этот же был одет в безупречный темный костюм, галстук, узкие вычищенные ботинки. На голове его сидела элегантная шляпа, а опирался он на зонтик-тросточку. Его редкие седые волосы, зачесанные назад, похоже, только что укладывал парикмахер. Илья попятился назад и пробормотал смущенно:

– Вам, простите, кого?

– Здравствуйте. Я хотел бы видеть Максимова Илью Анатольевича, – старик церемонно кивнул.

– Здравствуйте, – Илья вместо кивка на секунду втянул голову в плечи, – это я. Проходите, пожалуйста.

Ему стало очень неловко от того, что Мишка храпит на лавке в таком непрезентабельном виде.

– Вы никогда не спрашиваете незнакомцев, кто они такие и что им надо, когда они ночью вламываются к вам в дом? – поморщился старик и широко шагнул через порог, опираясь на трость.

– Если честно, то никогда, – хмыкнул Илья. – Наверное, вы сами мне объясните, зачем пришли, разве нет?

Старик улыбнулся и кивнул.

– Я могу присесть к столу?

– Конечно, – Илья смахнул с лавки на пол Мишкину грязную полотняную сумку, – если, конечно, не боитесь испачкать костюм...

– Нет, не боюсь, – улыбнулся старик, и лицо его вдруг осветилось и помолодело. И если до этого Илья чувствовал себя неловко, то после этой улыбки ему стало легко и комфортно, – и пусть вас не смущает ваш нетрезвый товарищ, я не ожидал увидеть ничего другого.

– Почему? – удивился Илья.

– Строители никогда не отличались трезвым образом жизни. К тому же я наводил о вас справки.

– Обо мне? Зачем? – Илья удивился еще больше.

– У меня к вам дело. Верней, предложение. Но перед тем как изложить его суть, мне бы хотелось задать вам несколько вопросов. Вы не возражаете?

Илья помотал головой.

– Тогда сядьте и предложите мне чаю, что ли... – старик снова улыбнулся. Удивительная улыбка – открытая и добрая.

– Конечно, – Илья потянулся к чайнику и щелкнул выключателем, – но у нас кружки только железные остались, остальные перебили.

– Ничего, – старик закусил угол губы, пряча улыбку, – из железных кружек мне тоже доводилось пить. На фронте.

Илья прикинул, сколько ему может быть лет, и присвистнул. Самое малое получилось – восемьдесят.

– Мне восемьдесят шесть, – кивнул старик, как будто прочитав его мысли, – и зовут меня Павел Тихонович Ропшин, так что будем знакомы.

Илья пожал протянутую руку, худую и сморщенную.

– Хорошо у вас пахнет здесь... – пробормотал старик, помолчав.

– Это перегаром, что ли? – усмехнулся Илья, глянув на Мишку.

– Нет, стружкой, свежей стружкой.

– Так мы плотники. От нас так всегда пахнет. Я привык, не замечаю.

– Хороший запах.

– О чем вы хотели меня спросить? – Илья никак не мог сообразить, какое дело могло привести сюда этого человека.

– У меня много вопросов. Для начала я хотел бы узнать, не случилось ли с вами несчастных случаев за то время, что вы жили здесь?

Илья пожал плечами:

– Да вроде нет. Серьезных, по крайней мере.

– Это хорошо. А что у вас с руками?

– Меня собаки покусали. Новые хозяева привезли двух азиатов и не уследили за ними.

– Забавно. Собаки новых хозяев... – старик посмотрел на потолок, как будто обдумывая что-то, – вы действительно живете здесь два года?

Илья кивнул.

– И как вам здесь нравится?

Станный вопрос. Илья удивленно наклонил голову и поднял брови.

– Ну, вообще-то мне здесь нравится, – хмыкнул он, а по-

том решил, что этого мало, и добавил: — Если честно, я хотел бы остаться здесь навсегда, но, боюсь, у меня это не получится.

— Хорошо. Скажите, а пока вы жили здесь, не замечали ли вы чего-нибудь странного? Ну, например, взгляда в спину?

Илья откинулся к стене и дунул на челку.

— Да, замечал.

— И какой это взгляд? Добрый, злой, враждебный?

— Нет, теперь не враждебный. Мы... мы здороваемся, — Илья смутился и опустил голову. Слишком это прозвучало... по-детски, что ли.

— Прекрасно, — старик подался вперед, — это замечательно. Может быть, вы и Печника видели?

— Нет, не видел, — Илья вскинул голову и улыбнулся, — только слышал. Вот Мишка видел.

Он кивнул на распростертое тело.

— Я думал, мне придется долго расспрашивать, — старик потер руки, — однако вы превзошли мои ожидания. Я не ошибся. Наверное, теперь мне стоит сказать вам, кто я такой. Простите, что не сказал сразу, мне нужно было понять, что вы за человек. Кстати, это правда, что вы хотели отремонтировать избушку?

— Правда, — Илья помрачнел, вспомнив, как снисходительно улыбался Залесский, — только мне не дали.

— Вы тоже называете этот дом избушкой, не правда ли? А это помещение — столовой?

– Да, – усмехнулся Илья, – а как вы догадались?

– Я ее хозяин. Законный владелец, так сказать...

Илья привстал с места, глядя, как довольно улыбается старик.

– Так что, в некотором роде, это вы у меня в гостях, а не я у вас.

Илья сел на место, совсем смутившись. А потом вдруг вскочил снова. Что на него накатило? Он заговорил быстро и сбивчиво, боясь, что старик не даст ему закончить. Он хотел быть убедительным, хотя ни секунды не верил в удачу.

– Послушайте, я знаю, что не имею права просить вас. Но я вижу, вы не бедный человек, вам это ничего не будет стоить. Пожалуйста, я очень прошу вас – продайте избушку мне! Она для меня... Вы, наверное, не представляете... Она мне как родной дом стала, понимаете? Я жить не смогу, если ее снесут, а они хотят ее снести. Я не знаю, почему мне это так важно, но, может быть, вы поймете? У меня есть деньги, тысяч пять долларов, я все вам отдам. И потом буду выплачивать сколько скажете. Только не отдавайте ее им, я прошу вас. Я не хочу, чтобы ее снесли. Я даже не для себя, понимаете? Вы извините, что я вас прошу, мне просто ничего другого не остается.

Старик расхохотался и опустил голову, исподлобья глядя, как Илья мучительно подбирает слова.

– Замолчите уже, – махнул он рукой.

Илья осекся и растерянно посмотрел на старика – неужели

он был настолько смешон?

– Извините, – Илья поджал губы, которые подозрительно дрогнули.

Старик улыбнулся и ласково глянул на Илью:

– Я рад, что наши желания совпали.

– В смысле? – не понял Илья.

– Я приехал сюда, чтобы предложить вам купить у меня избушку. И не думайте, что это радостное событие в вашей жизни, а я – ваш благодетель. Я очень стар, я скоро умру. И у меня нет ни сил, ни времени за нее бороться. Так что оставьте себе свои жалкие пять тысяч, мне они не пригодятся. Мои дети обеспечили мне достойную старость, им ваши пять тысяч – два раза сходить в хороший ресторан. Они не обеднеют, если я лишу их этого наследства. Лучше я расскажу вам все по порядку, а вы решите, соглашаться или нет, хорошо?

Илья кивнул:

– Да я и так согласен, честное слово.

– Нет уж, дослушайте меня. Вся ваша жизнь, здоровье и благополучие будут связаны с ней. Пока стоит избушка – вы будете счастливы, вполне обеспеченны и довольны собой и жизнью. Но если она рухнет, то и ваша жизнь будет разрушена до основания. Но для вас, я вижу, это не главное?

Илья покачал головой.

– Да, для меня это тоже не имело никакого значения. Я берег избушку вовсе не потому, что боялся что-то потерять. Я просто любил ее. Ее и все то, что ее окружает. Я знал, что

на склоне дней найду преемника, так же как меня нашел ее предыдущий хозяин. Мне было чуть больше тридцати, когда я приехал сюда строить механический завод. Жить мне было негде, и однажды я случайно набрел на этот домик. Он пустовал, я поселился в нем и прожил около трех лет. Пока ко мне из леса не вышел старый, бородатый человек, очень похожий на лешего. И я тоже уговаривал его продать мне избушку. Мое время пришло несколько позже. Не знаю, случайно это получилось или так было запланировано где-то наверху, но, чтобы защитить избушку, мне пришлось стать председателем местного поселкового совета. Моя карьера складывалась стремительно и легко. Я не знаю, есть ли в этом хоть толика моих заслуг. Хотя, конечно, есть. На месте Долины собирались построить пионерский лагерь. И к тому времени я понял, что дело не в избушке. Избушка – только центр Долины, ее пуповина, если хотите. Долина не подпустит к себе людей. Она не позволит людям поселиться здесь. Вы, наверное, и сами это уже заметили.

Илья кивнул, еще не вполне уверенный в том, что понял это.

– Разве мог я допустить, чтобы тут поселились дети? Всеми правдами и неправдами я добился того, чтобы место для строительства перенесли на другой берег реки. Потом поступило предложение отдать Долину под дачные участки, и снова я отвел от нее удар. Это случилось уже на излете моей карьеры, в восьмидесятых. На много лет про это место забыли,

потому что на всех топографических планах – кроме военных, конечно – оно помечено как непроходимое болото. И вот теперь ей снова угрожает опасность. Верней, еще неизвестно, кому угрожает опасность, Долине или тем, кто собирается тут поселиться. Но, так или иначе, я ничего не смог сделать с этим. У меня достаточно денег, точнее, достаточно денег у моих детей. Но стоимость этих участков сейчас превосходит все мыслимые суммы, я поздно узнал о том, что здесь ведется строительство. Я стар, я очень редко выхожу из дома. Теперь я не могу ничего сделать для Долины. Кроме одного: найти преемника. И, похоже, я его нашел. Я могу честно переложить свой груз на ваши плечи, я сделал для Долины все, что мог, теперь пришла ваша очередь. Мне даже неловко перед вами. У вас нет времени сделать карьеру, как это произошло со мной, нет денег, чтобы с их помощью что-нибудь предпринять. Но вы молоды. По сравнению со мной, разумеется. И в то же время вы уже не мальчик, кое-что можете, не правда ли?

– Я не знаю, что я могу, – Илья пожал плечами, – но я не отдам им избушку, можете не сомневаться.

– Да я и не сомневаюсь, – усмехнулся старик. – Только, боюсь, люди, пришедшие сюда на этот раз, сильно отличаются от тех, кто посягал на Долину до этого. Мне кажется, передавая вам такое наследство, я подвергаю вашу жизнь опасности. Но есть у меня мысль, что я всего лишь закреплю юридически ваши права на избушку, а приняли вы на себя этот

груз без моего участия и уже давно. Скажите, вы не боитесь?

Илья покачал головой.

– Да чего мне, собственно, бояться? Насколько я понимаю, снос избышки для них не более чем прихоть, разве нет?

– Ну, пока да, – согласился старик, – но кто знает, как дело повернется дальше. А кроме того, эти люди привыкли идти на поводу у своих прихотей. Вы понимаете, как на вас начнут давить, когда узнают, что хозяин избышки – вы?

– Ну не убьют же они меня, честное слово, – улыбнулся Илья.

– Нет, думаю, до этого не дойдет. Повод мал. Но им самим тут придется несладко. И я не знаю, что они предпримут, когда Долина начнет выживать их отсюда всерьез, а не только пугать, как делает это сейчас. Последний раз люди про- бовали селиться здесь в девятнадцатом веке, собирались по- строить монастырь. Это была кучка религиозных фанатиков, борьбу с нечистой силой они почитали своим долгом, поэто- му не догадались вовремя уйти. Долина убила всех, по оче- реди. После этого кто-то предпринимал жалкие попытки, но все они кончались ничем. Люди бежали отсюда, не успев за- кончить строительства. Во время войны немцы попытались разместить здесь детский лагерь, им требовалась кровь для раненых. Лагерь, конечно, они открыли, километрах в пяти отсюда. А здесь их поглотило не меньше сотни человек, солдат и офицеров. Как ни странно, никто из детей от Долины не пострадал.

– Подождите. Вы хотите сказать, что людям, которые поселятся здесь, грозит опасность? – перебил Илья.

– Да, и еще какая. Но я не советую вам даже пытаться их предупреждать. Поверьте моему опыту, это ни к чему не приведет. В лучшем случае над вами посмеются, а в худшем – обвинят в злом умысле.

– Но как же... Это же... как-то не по-людски. Они же опасности не понимают. Они не верят...

– Вам сорок лет, если я не ошибаюсь? Не будьте ребенком. Не пытайтесь гнаться за двумя зайцами, вы не поймаете ни одного. Люди разберутся без вас.

Илья опустил голову. Наверное, старик прав. В лучшем случае над ним посмеются...

– Скажите, а что это за место? Почему здесь происходит столько странностей?

Старик усмехнулся:

– Если честно, я не знаю. Место, где инфернальный мир соприкасается с нами. Верней, не так. В этом месте все сходится. Все является единым целым. Узел. Я не могу этого объяснить, я только чувствую это. И знаю, что сносить избушку нельзя. Я понятия не имею, что после этого случится. Наверное, нечто страшное.

Мишка вдруг засопел, сел на лавке и пробормотал себе под нос:

– Болото, кругом болото. Как нарыв. Как жить, Илюха?

– Спи, – посоветовал Илья.

– Да. Спасибо.

Мишка упал на лавку и через секунду снова захрапел.

– Я полагаю, ваше согласие на покупку избушки я уже получил? – хитро прищурился старик.

Илья кивнул.

– Завтра утром мы с вами поедem к нотариусу. Все документы на продажу у меня готовы, надо вписать только ваши паспортные данные. Регистрацию сделки я возьму на себя, это, знаете ли, тягомотина, а у меня остались связи. И еще. Подлинники документов мы оставим у моего юриста, на всякий случай. Сейчас все продается и покупается. Ваш экземпляр документов уничтожить будет сложнее, чем заплатить чиновникам за изменение имени собственника в их регистрах.

– К чему такие сложности? – пожал плечами Илья.

– Я не знаю, как повернется дело, – вздохнул старик, – и более того: предлагаю вам немедленно оформить завещание на имя вашего сына с условием, что избушка не может быть продана до его совершеннолетия. Это обезопасит вас, и... для избушки это будет дополнительная страховка.

– Хорошо, – согласился Илья. Никто не знает, как сложится жизнь. Пусть хотя бы до Сережкиного совершеннолетия избушка будет в безопасности.

– Ну а теперь налейте мне наконец чаю, – старик улыбнулся.

Илья потрогал чайник и снова щелкнул кнопкой включе-

ния. Он был счастлив.

6

– Илюха, плохо мне. Помру я.

Мытый, трезвый Мишка лежал на кровати в спальне и страдал от абстиненции.

– Не помрешь. От похмелья еще никто не помирал. Помирают от перепоя.

– Я врач, мне видней, – Мишка слабо улыбнулся. – Илюха. Вызови шамана.

– Ни. За. Что, – Илья повернулся к стенке и уткнулся в книжку. – Воду пей.

– Не могу больше.

– А ты через «не могу». Водку-то и через «не могу» пьешь...

– Илюха, пожалуйста. Я тебе деньги отдам, ты не бойся.

– Да не нужны мне твои деньги. Сказал – нет, и все. Хватит.

Мишка замолчал, издав жалобный стон. Илья отодвинул книгу – Мишка отбил всякое желание читать. Жалко его было до слез. Тем более что облегчить его участь можно одним звонком, и доктор примчится через полчаса – Илья давно нашел местного «шамана», и Мишка был одним из его постоянных клиентов. Но бесполезно это. Три капельницы – и Мишка готов к новому запою. Сейчас он бросил пить только потому, что не может дойти до магазина, а после детокса сил

у него ощутимо прибавится.

– Илюха, я тебе клянусь, что подошьюсь. Не веришь?

– Не верю, – отрезал Илья, – ты уже кодировался, трех недель не прошло.

– Кодировка – это ерунда, ты же знаешь. Надо подшивать-ся.

– Надо. Но детокс для этого не нужен. Отстань от меня.

– Илюха, я очень прошу.

– Отстань.

Мишка снова со стоном вздохнул. За стеной, в столовой, вдруг послышался какой-то странный звук – то ли всхлип, то ли вздох. Илья прислушался. И отчетливо услышал чьи-то осторожные шаги. Дверь была заперта, зайти в избушку снаружи никто не мог. Раздался скрип открывающейся на улицу двери, а потом ее легкий хлопок. Тревога кольнула в грудь и расползлась по телу противными мурашками.

Илья сел на постели.

– Мишка, ты слышал?

– Что?

– Кто-то прошел.

– Ну и что? Прошел и прошел. Это Печник.

Илья надел кроссовки и поднялся. Печник ходил совсем не так.

– Ты куда? – спросил Мишка.

– Да так, пройдусь, – ответил Илья, протянул руку за ватником, висевшим на крючке, и с удивлением заметил, что

рука заметно дрожит.

Он толкнул дверь в столовую и осторожно выглянул. Разумеется, там никого не было. Судя по звукам, некто должен был выйти отсюда на улицу, но интересно, как и когда он зашел?

Илья подошел к входной двери и увидел, что засов аккуратно задвинут изнутри. Значит, показалось. Но ведь он не Мишка, чтобы ловить глюки. Любопытство пересилило здравый смысл – Илья отодвинул засов и распахнул дверь.

Ночной воздух шевельнулся, как будто шагнул ему навстречу. Тьма окутала Долину, непонятные звуки ночи разносились далеко и отчетливо. Где-то плеснула вода, хрустнула ветка, что-то щелкнуло – далеко, около леса. Илья всмотрелся в темноту, но не уловил никакого движения. И ничьих шагов тоже не услышал. Он постоял на крыльце с минуту, прислушиваясь и на всякий случай придерживая дверь. Нет. Ничего. Показалось.

Илья вернулся в столовую и сел на лавку. Раз уж встал, можно выпить чаю. Он хотел включить чайник и уже протянул руку, когда заметил какое-то движение около печки. Рука застыла в воздухе: между бревен что-то шевелилось. Илья присмотрелся – не было никаких сомнений, из паза высунулись пальцы. Отвратительные, длинные, серо-синего цвета. Как будто бревно прижало их, отчего они посинели. Грязные, обломанные ногти. Это было настолько невероятно, насколько и реально. А когда между бревен появилась вторая

рука, приоткрывая темную щель, Илья, не очень-то долго думая, схватил чайник и кинул в стену.

Пальцы немедленно исчезли, вода выплеснулась на бревно, чайник с грохотом прокатился по полу и замер у его ног.

– Эй, что там такое? – слабым голосом спросил Мишка.

– Да ничего, я чайник уронил, – ответил Илья. Интересно, это на самом деле только что произошло или привиделось? Не слишком ли много галлюцинаций за последние пять минут? Он уставился на стену, как будто пытался увидеть что-то сквозь нее. Да не могло ему показаться! Вот там, между третьим и четвертым бревном, где выломана щепка...

Илья нагнулся за чайником и снова заметил движение, на том же самом месте. На этот раз появился только один палец. Как будто попробовал – не кинут ли чем-нибудь теперь? Илья замер и решил подождать, что будет дальше. Зрелище производило впечатление не столько пугающее, сколько отвратительное: белая с краю ногтевая пластинка у основания была совсем синей, со всех сторон обрамленная черной каймой. Кожа землистого цвета слегка шелушилась и походила на чешую. Илья выпрямился и затаил дыхание.

Вслед за одним пальцем появился второй, а потом третий. Они легли на бревно, как будто хотели опустить его чуть ниже. Между бревен начала появляться темная щель, рука выснулась наружу до самого запястья, трогая воздух. Тонкая, изящная и гибкая рука.

Любопытство побороло отвращение и страх: Илья мет-

нулся к стене и ухватил руку за длинные грязные пальцы. Она была холодной и по ощущениям тоже напоминала чешую – гладкую бархатистую чешую гадюки. Рука попробовала вырваться, но он держал ее крепко.

Что произошло, он не понял: все случилось меньше чем за миг. Бревна как будто раздвинулись, между ними метнулось нечто – Илья вскрикнул и выпустил пальцы: эта тварь его укусила!

Пожалуй, теперь не осталось сомнений в том, что это не бред и не галлюцинация. Илья со стоном опустился на лавку и посмотрел на руку: между большим и указательным пальцем краснела глубокая круглая дырка, набухавшая кровью. Но самое ужасное состояло в том, что место укуса отекало на глазах. Да и по ощущениям это больше всего напоминало укус пчелы. Неужели она ядовитая?

– Что там у тебя такое? – спросил Мишка из спальни.

Если сейчас сказать Мишке, что из стены выскочила какая-то тварь и тяпнула его за руку, на неокрепшую психику тяжелобольного человека это произведет непредсказуемое впечатление. Илья решил промолчать, да и спрашивал Мишка из вежливости, ему было не до того.

Между тем пальцы появились снова. От злости Илья подхватил полено, лежавшее у печки, и как следует саданул по стене. Пальцы исчезли, и ему показалось, что из-за стены донесся жалобный, недовольный писк и шипение.

– А нечего кусаться, – пробурчал он себе под нос и при-

крыл дверь в спальню, чтобы не беспокоить Мишку. Было любопытно, что же случится дальше, хотя ситуация и представлялась ему абсурдной и небезопасной.

Не прошло и минуты, как бревна раздвинулись снова, но на этот раз тварь побоялась высовывать пальцы далеко, только ногти торчали. Однако щель постепенно расширялась до тех пор, пока между бревен не мелькнуло два горящих зеленых глаза. Илья присел на корточки на безопасном расстоянии – еще не хватало, чтобы эта зараза укусила его за лицо. Полена он из рук не выпустил.

– Ну? – спросил он тихо, глядя в два светящихся зрачка.

– Уйди отсюда, – прошипела тварь отчетливо.

– Не-а, – усмехнулся Илья.

– Уйди, мне надо выйти.

– Выходи, – Илья пожал плечами.

– А ты не будешь бить меня своим поленом?

– Если не будешь кусаться.

– Нечего меня хватать, тогда я не буду кусаться.

Илья снова пожал плечами и посмотрел на укушенную руку. Раздуло ее так, что кожа должна была вот-вот лопнуть.

– Вот сволочь, – он опять посмотрел твари в глаза.

– Сам сволочь, – ответила тварь. – Не бойся, я несильно ядовитая. Само пройдет, дня через три.

Бревна раздвинулись шире, и Илья увидел лицо. Если это можно было назвать лицом. С одной стороны, несомненно, оно очень походило на человеческое, а с другой, очевидно,

человеческим не было. Нечто среднее между лицом, мордой и голым черепом. Оно казалось каким-то заостренным – острые скулы, острый запавший нос, остроконечные уши, покрытые свалывшейся, засаленной шерстью, низкий лоб, выступающий вперед, и острый скошенный подбородок. Тонкая нитка бледных губ и огромные, глубокие глаза, смотревшие как будто из колодца.

Рот существа приоткрылся, и Илья увидел единственный зуб – длинный и острый.

– Так я выйду? – кокетливо поинтересовалась тварь.

– Ага, – кивнул Илья и отодвинулся. Бревна разошлись, между ними протиснулась косматая голова, а за ней появилось острое костлявое плечо, едва прикрытое какой-то старой ветошью. Тварь оттолкнулась и бесшумно вывалилась на пол, перевернувшись через голову, прямо к ногам Ильи. Ростом существо было ему до плеча, очень худое, костлявое, одетое в нечто, издали напоминавшее ночную рубашку, которой неоднократно протирали пол. Спутанные волосы грязным клубком лежали на спине. Длинные тонкие ноги тварь подтянула к себе, выпятив большие коленки.

– Ну ты и кикимора, – ухмыльнулся Илья.

– Я не кикимора, я Мара, – с достоинством ответила тварь.

– Очень приятно. Мне тоже представиться? – хохотнул Илья.

– Я тебя знаю, ты хозяин избушки, страж Долины. Я тебя

сто раз видела.

– Да? Где это?

– Так здесь же.

Мара неуклюже поднялась с пола, путаясь в собственных длинных ногах, и сделала вид, что отряхивается:

– Как тебе мой сарафанчик? – она приподняла подол ночной рубашки цвета грязи и повернулась боком.

– Ну ничего, ничего, – пробормотал Илья. – Ты со мной еще и заигрываешь?

– А почему нет? Я тебя приглашаю пойти со мной. Ты думаешь, я одна сегодня сюда вылезаю? Не я, так кто-нибудь другой тебя подцепит. А мне приятно провести время в обществе интересного мужчины, – она нагнула голову и улыбнулась, обнажив единственный зуб.

Илья хмыкнул и покачал головой: надо же, и эта тварь женского пола решила его закадрить.

– И куда же мы пойдем?

– В лес. Тебе можно, раз ты хозяин избушки.

– Ну в лес так в лес, – пожал плечами Илья. Любопытство заставило его полностью забыть об осторожности. Между тем тварь, стоявшая перед ним, не казалась безопасной. Ее острое, хищное лицо скорее говорило о том, что приближаться к ней вовсе не следует. И единственный ядовитый зуб совсем не уродовал ее, а, наоборот, придавал лицу выражение зловещее.

Мара, не говоря больше ни слова, повернулась на пятках,

махнув подолом, и легкой походкой направилась к двери. Илья пошел за ней, подхватив ватник.

– Ну и зачем тебе фуфайка? – она остановилась и повернулась к нему лицом, – май на дворе.

– Да что-то не жарко, – возразил Илья.

– Фуфайку оставь здесь, – властно велела Мара, – небось не замерзнешь.

Он пожал плечами и повесил ее обратно на крючок.

Майская ночь дышала свежестью и запахом молодых листьев. Тучи, закрывавшие небо всю прошлую неделю, разошлись – на небе сияла полная луна. То ли она и впрямь давала так много света, то ли Илье это показалось, но все вокруг было видно как днем. А ведь не прошло и пятнадцати минут, как он выходил на крыльцо и всматривался в непроглядную темноту.

Мара спустилась с крыльца и подставила лицо луне, раскинув длинные руки в стороны. И без того хищное, теперь ее лицо леденило кровь. Синева проступила сквозь ставшую прозрачной кожу, как румянец проступает на щеках юной девушки. Глубокие глаза излучали свечение, и это был не зеленый отблеск отраженного света, а именно собственное свечение – мутное, белесое, мертвенное. Оно лилось навстречу лунному свету, мешалось с ним, переплеталось. Приоткрытый, чуть оскаленный рот ее вдыхал лунный свет и выдыхал затхлый воздух склепа.

Илья замер, не в силах оторвать глаз от ее лица, – смешная

тварь, так панибратски говорившая с ним минуту назад, показалась ему вдруг куда более сильной и даже могущественной. Он отчетливо понял, что ему страшно. Но пугала его не неизвестность и не опасения, что Мара причинит ему вред. Просто прикосновение к тому миру, которому она принадлежала, всегда страшит человека – инстинктивно, безотчетно, необъяснимо.

– Ах, эта майская ночь, – проворковала она, – ты чувствуешь, как согревает лунный свет?

– Пока нет, – натянуто хмыкнул Илья, и по спине у него пробежали мурашки.

– Ты почувствуешь, я знаю. Пойдем к реке, мне надо умыться и привести себя в порядок.

Мара взяла его за руку, и Илья содрогнулся: живое не может иметь температуру окружающего воздуха, оно должно быть хотя бы немного теплей... Но руки не отдернул, позволив ей увлечь его за собой.

У нее была легкая походка, она как будто плыла в лунном свете, чуть приподнимаясь над землей. Илья еле поспевал за ней, хотя привык ходить быстро.

– Ты не боишься меня? – спросила она, когда они пересекли дорогу.

– Разве что совсем немного, – он усмехнулся.

– Не бойся, – ответила она, отчего мороз пробежал у него по коже.

Они спустились к огороженному пляжу Долины (Мара

легко распахнула запертую на висячий замок калитку) и подошли к самой кромке воды. Там она отпустила руку Ильи, повернулась к нему и велела:

– Раздевайся.

– В смысле? – не понял Илья.

– В прямом смысле, раздевайся догола.

– Зачем?

– Делай что говорят, – ее глаза сверкнули белесым светом.

Илья поежился и посмотрел на воду. Никакого смущения он не испытывал, но ночная прохлада совсем не располагала к таким экспериментам. Он взглянул на Мару, решив удостовериться, что понял ее правильно. Она смотрела на него с вызовом и любопытством. Илья пожал плечами и начал стягивать свитер.

Босые ноги коснулись мокрого песка и сразу начали потихоньку неметь. Илья долго путался в штанинах и чуть не упал. А оказавшись полностью раздетым, вдруг почувствовал незащищенность и беспомощность куда сильнее, чем холод. Как будто на него смотрели сотни глаз со всех сторон, и глаза эти добрыми не были. Иррациональный страх стиснул горло. «Я стою перед вами нагой и беззащитный. Я в вашей власти. Что вы хотите от меня?» – подумал он. И глаза, изучающие его, слегка смягчились.

– А теперь пошли купаться, – Мара схватила его за руку и потащила в воду, – или ты боишься холода?

Илья покачал головой, хотя ничего приятного в купании

холодной весенней ночью не находил. Вода обожгла ступни чуть не до судороги, но Мара повлекла его вперед, не давая опомниться, почти бегом. Колени обдало холодом, как вдруг его захлестнул безрассудный азарт и бесшабашная веселость: он вырвал руку из цепких пальцев Мары и, сложив руки рыбкой, с разбегу прыгнул в воду. От холода перехватило дыхание, как от удара в солнечное сплетение. Он вынырнул, судорожно хватая воздух в сжавшиеся легкие, и поплыл вперед размашистыми саженками, отфыркиваясь и отплеываясь, как тюлень. Ледяная вода легко держала его на руках, обнимала, обволакивала, ласкала. Он перевернулся на спину и посмотрел в небо. При каждом вдохе грудь поднималась над поверхностью, а на выдохе снова опускалась в воду. И не такой уж ледяной была вода, как показалось вначале. И Илья неожиданно понял, что чувствует себя посреди незнакомо-го, пугающего и огромного мира, как младенец в колыбели. Небо снисходительно глядело на него, чуть покачиваясь, как склонившееся над колыбелью лицо матери.

– Не разлеживайся тут, – Мара толкнула его в бок острым локтем, – плыви к берегу, на сегодня тебе хватит.

Он кивнул, перевернулся и нырнул, чтобы почувствовать свежесть воды на лице. И почему он так не хотел этого вначале? Чего боялся? Ничего кроме восторга это купание не принесло. Восторга и чувства очищения. Как будто он избавился от невидимой заскорузлой корки, всю зиму стягивавшей тело.

Илья поплыл к берегу широким брассом, на каждом выдохе опуская лицо в воду. Прикосновение реки к лицу было волнующим, как поцелуй. Темная вода, пронизанная лунным светом, впитывала его в себя. Ему казалось, еще чуть-чуть, и он растворится в ней, станет с рекой одним целым. С рекой, с лунным светом, с колышущимся над ним небом, с темной громадой берега впереди...

Ноги коснулись песчаного дна. Илья выпрямился – воздух обжег кожу на плечах. А когда он вышел из воды, то понял, что лунный свет не просто согревает: он жжет, как солнце в июльский полдень. Тело горело и пульсировало, словно его растерли жесткой мочалкой. Кожа покраснела и светилась, и теперь нагота не вызывала чувства незащитности. Наоборот, казалось, что одежда отделит его от этого мира, замкнет в футляре одиночества, в то время как нагота делает его частью того, что его окружает.

Ветер с реки погладил влажную кожу, и Илья повернулся к нему лицом. Из воды навстречу ему выходила Мара. Только это было совсем не то существо, которое вело его на реку. Влажные волнистые волосы струились по хрупким плечам, тонкие руки изящно откинули их назад. Мокрый, ослепительно белый сарафан облепил стройные длинные ноги и колыбался в воде серебристым шлейфом. Ее лицо не перестало быть зловещим, только теперь синева щек проступала сквозь фарфоровую бледность кожи. И огромные глаза стали бездонными омутами, на дне которых мерцал свет. Тон-

кий рот изящно изогнулся, и острый зуб блеснул в лунном сиянии. Она была прекрасна и вселяла ужас.

– Одевайся, страж Долины, – усмехнулась она, снова показывая зуб. Голос ее тоже изменился. Если раньше он больше напоминал шипение, то сейчас журчал, как весенний ручей.

– Я не замерз, – пожал плечами Илья.

Она вышла на берег и остановилась напротив него.

– Я говорила, что лунный свет согревает, а ты мне не верил. Одевайся, не голым же идти в лес. Или я так понравилась тебе, что ты решил воспользоваться мною, как своими распутными девками по пьянке? Боюсь, у нас ничего не получится. Страж Долины не должен умереть в моих объятьях, как простой смертный.

Илья ни о чем подобном не думал, но внезапно понял, что она права: он и вправду почувствовал к ней непреодолимое влечение, пугающее и опасное. Эти стройные ноги казались ему неуклюжими? Эти плечи – костлявыми? По этим тонким пальцам он ударил поленом? Она могла бы не говорить, он и без слов понял, что ее любовь смертельна. И в глубине души пожелал умереть, сжимая ее в объятьях. Морок и кошмар. Он провел рукой по лицу, прогоняя наваждение.

– Ну-ну, расслабься, – хмыкнула Мара, – и одевайся скорей, нам пора.

Илья рассеянно кивнул.

Как ни странно, ощущение свежести и чистоты не про-

шло, когда он натянул на себя одежду. Он чувствовал себя бодрым и уверенным в себе и сам взял Мару за руку, чтобы идти вперед. Рука ее теплей не стала, но теперь он называл это прохладой, а не холодом. Бархатистая прохладная чешуя змеи, обвивающей шею.

Они молча прошли через Долину, освещенную луной, и углубились в лес на другой ее стороне. Здесь не было светло, как днем: лунный свет пробивался сквозь деревья и серебряными бликами ложился на землю. Чем дальше в лес они углублялись, тем сильнее Илью охватывало беспокойство. Даже не страх, а возбуждение вызывало нервную дрожь и заставляло стучать зубы.

– Ну и чего ты дрожишь? – поинтересовалась Мара.

Илья пожал плечами.

– Не дрожи, – велела она.

Отличный совет.

Они отошли от крайних участков Долины не более чем метров на триста, когда впереди Илья разглядел свет – лес расступился и выпустил их на круглую поляну, залитую лунным светом. Первое, что бросилось ему в глаза, – это бесформенное нагромождение огромных валунов в самом ее центре, очень высокое, примерно в два человеческих роста. Камни лежали друг на друге в неустойчивом равновесии: казалось, толкни легонько – и они рухнут на землю, раскатятся. Валуны – редкость в этих местах, тут же их собралось превеликое множество. Правильным кругом, шагов тридца-

ти в диаметре, хоровод камней опоясывал центральную фигуру. Зыбкая, многотонная конструкция в центре освещалась луной, презрев законы геометрической оптики: лучи сходились на ней, будто гигантская лупа висела в воздухе и собирала их в узел. Илья не раз бывал в лесу, но ни поляны, ни камней никогда здесь не видел.

– Что это? – спросил он у Мары.

Она ничего не ответила, лишь потянула его в сторону и, пройдя несколько шагов, махнула рукой, указывая на валуны. Илья посмотрел внимательней. Лунный свет, собранный в пучок, пронизывал мрачную фигуру насквозь. Глубокие тени причудливо переплетались с громадами камней. Они давили на него, пугали, настораживали. Илья хотел отвести взгляд и не мог – необычайное притяжение таилось в этом нагромождении.

Он глядел на него в полной растерянности, как вдруг вскрикнул и вскинул руку, прикрывая лицо: нагромождение вовсе не было бесформенным, стоило только всмотреться. Из центра круглой поляны на него смотрел огромный Каменный лик. Величественный и строгий. Темные провалы глаз, жесткие скулы, надменно изогнутые брови, неподвижный каменный рот... Илья отступил на шаг и с ужасом увидел, как лик на мгновение смежил веки.

Каменные глаза смотрели на него мрачно и гнетуще, и рука, которой он продолжал прикрывать лицо, не помогала заслониться от этого взгляда. Взгляд исходил из глубины вре-

мени, столь далекой, что человек не в силах этого осознать. А лик хотел осознания, взгляд увлекал за собой в бездонную пропасть времен, в пучину прошлого, в древний затерянный мир, будто в водоворот. И чем глубже Илья погружался в него, тем громче стучали у него зубы, тем быстрее билось сердце, тем сильнее сжималась тисками грудь. Но когда он упал на самое дно немыслимого каменного взгляда, то почувствовал необычайную легкость. Время больше не пугало его. Илья опустил руку и шумно вдохнул: он и не заметил, что не дышал с того мгновения, как увидел Каменный лик в бесформенной гряде камней. И снова каменные веки опустились, словно в знак согласия.

– Ну что ты смотришь? – зашипела Мара. – Поклонись ему. Он принял тебя.

Илье никогда в жизни не приходилось кланяться. Он мог разве что кивнуть женщине, изображая поклон. Но если сначала Каменный лик вызвал у него ужас, то теперь он чувствовал нечто похожее на почтение, а может даже преклонение. Спина согнулась непринужденно, естественно, как будто Илья всю жизнь кланялся в пояс.

– Тебе это удалось, – усмехнулась Мара. И как только Илья распрямился, то увидел, как на поляну навстречу им выходят люди. Верней, не люди – существа, и кое-кто из них отдаленно напоминал человека. Он не взялся бы их описать. Их было много, наверное, не меньше сотни.

– Здравствуй, хозяин, – говорили некоторые из них и ки-

вали ему.

Глаза у Ильи разбежались, он не мог осознать увиденного и отступил еще на несколько шагов, но Мара плотно удерживала его руку.

– Ну что ты испугался? – шипела она. – Кидать в меня чайниками тебе не было страшно!

– Было, – немедленно ответил Илья.

– Ладно. Никто из них не причинит тебе вреда.

К ним вплотную подошло непонятное существо: сутулая, поросшая косматой шерстью фигура больше двух метров ростом напоминала вставшего на задние лапы медведя. Но голова медвежьей не была: острые уши, похожие на волчьи, росли по бокам, там, где положено расти ушам у человека, и высокий лоб никак не мог быть звериным. Но челюсти принадлежали животному, и когда оно открыло пасть, в темноте блеснули большие белые клыки. И руки, у него были человеческие руки! А на коротких кривых ногах красовалось какое-то подобие обуви. Илья присмотрелся и увидел, что это лапти, только какие-то неправильные, смотревшие носами в разные стороны, при том что косолапые ступни заворачивались внутрь.

– Здравствуй, страж Долины, – кивнуло ему существо, – рад видеть тебя у нас в гостях.

Его пасть издавала правильную речь вопреки законам природы. Илья засомневался в том, что сможет хорошо ответить, и скромно промолчал.

– Садись, поговорим немного, – голос у существа был низкий и скрипучий.

Илья кивнул и посмотрел, куда можно присесть. Не нашел ничего подходящего и опустился на траву вслед за говорящим чудовищем. Между тем остальные непонятные существа тоже рассаживались на землю, оживленно болтая между собой. Мара села с другой стороны от него. Илье почудилось шуршание над головой, он посмотрел наверх и увидел, что на толстой ветке сосны прямо над ним лежит голая до пояса девица. Ее гибкие руки, словно змеи, оплетают сук. А ноги... Илья присмотрелся... вместо ног вокруг сука несколько раз оборачивался змеиный хвост, конец которого терялся где-то за сосновым стволом. Девица смутилась под его взглядом, прикрыла лицо ладошками и засмеялась.

Существо, сидевшее рядом с Ильей, тоже посмотрело наверх миндалевидными человеческими глазами, а потом строго глянуло на Мару. Мара презрительно фыркнула в ответ на его взгляд.

– Осторожней с Марой, – покачало головой существо, обращаясь к Илье, – даже если она не хочет тебе навредить, все равно ты можешь не устоять. Залюбит до смерти.

Илья кивнул:

– Я понял.

– Кстати, она соврала тебе насчет того, что яд от ее укуса не причинит вреда. Конечно, умереть ты не умрешь, но ее яд не даст тебе спать по ночам. Когда вернешься в избушку,

потри ранку золой из печки. Там особенная зола.

– Спасибо, – Илья глянул на опухшую руку. После купания он ни разу не вспомнил о ней.

Мара снова фыркнула, теперь уже злобно.

– У нас сегодня праздник в некотором роде. Чародейская ночь. Нам хотелось, чтобы ты посмотрел на нас поближе.

С противоположной стороны поляны со звонким смехом к ним бежали девушки: совершенно нагие, в венках из первых лесных цветов. И, в отличие от Мары, были хороши живой, земной красотой, светились розовым румянцем, и кожа их излучала жар. Каждая держала в руке по большому белому цветку, и только присмотревшись, Илья понял, что это не цветы, а бокалы: девушки иногда отхлебывали из них по глотку и щебетали какие-то непонятные ему глупости.

Одна из них сзади обвила шею его соседа, которого Илья про себя назвал лешим.

– А вот наши птахи вполне безопасны, – то ли рассмеялся, то ли закашлялся леший, – можешь любить их хоть всю ночь. Угостите нашего гостя, красавицы.

– Выпей с нами, хозяин, – одна из «птах» легко поднялась, подошла к Илье и опустилась на колени прямо перед ним. Настолько близко, что он почувствовал тепло ее дыхания, запах хвои и листьев, исходивший от ее тела. Девушка протянула ему бокал, и он принял его в обе руки, боясь смять. Бокал и вправду оказался цветком, напоминавшим белую лилию.

– Не бойся, пей, это вкусно, – девушка засмеялась, и смех ее походил на звон колокольчика.

Илья осторожно отхлебнул из необычного бокала. Напиток был прозрачным, похожим по вкусу на березовый сок. Но, вне всяких сомнений, это был хмельной напиток.

– Да пей же, – сказала сверху русалка со змеиным хвостом, – ничего не будет. До дна пей.

Илья решил, что терять ему все равно нечего, и залпом выпил всю лилию до дна. Ничего не произошло, хотя он и ждал подвоха. Разве что чуть быстрее побежала кровь по жилам, да слегка закружилась голова. Но это случилось скорей от пьянящей близости «птахи», которую можно любить хоть всю ночь.

Ему тут же передали еще одну лилию, полную прозрачного напитка, но теперь никто не требовал, чтобы он выпил его немедленно и до дна. Услышав сзади чьи-то шаги, Илья обернулся: за его спиной стояло еще одно чудище. Желтое плоское лицо, расплывшееся и одутловатое, со всех сторон обрамляли космы, похожие на тину. Маленькие прищуренные глазки сверкали чернотой, прорезь рта напоминала о лягушках. Его волосы и борода были столь длинными, что, как длинная рубаха, покрывали его полностью, до самых колен. А из-под нее торчали тонкие кривые ноги с мозолистыми, шишковатыми ступнями.

– Здорово, дедко, – кивнул ему леший, – садись.

– И ты здрав будь, – недовольно проворчало чудище.

– Это багник, – сообщил леший Илье, – болотный дедко. Прошу любить и жаловать. Все норуют подсесть поближе к нашим птахам!

Тем временем ближайшая «птаха» как-то незаметно и непринужденно обвила шею Ильи рукой и оказалась сидящей к нему вплотную. И он, тоже незаметно для самого себя, обнял ее за гибкую талию и притянул поближе. Ее разгоряченная, пахшая лесом кожа кружила ему голову.

Багник кряхтя уселся между красавицами, Впрочем, несильно обращая на них внимание – на старого сластолюбца он никак не походил.

– Ну что, хозяин, хорошо тебе с нами? – буркнул дед, глядя на Илью пронзительными черными глазами.

Илья кивнул, усмехнулся и отхлебнул из лилии.

– Ты хоть понимаешь, что ты сторожишь?

Илья пожал плечами:

– Нет, наверное. Верней, не так: я понимаю, но не могу этого объяснить. Верней, могу, но только это будет непонятно...

Багник крякнул, и Илья подумал, что так он смеется.

– Ну давай, объясняй.

– Ой, котик! – взвизгнула одна из «птах» и схватила на руки огромного лохматого котищу, неслышно кравшегося мимо.

– Мур, – сказал кот, несколько не обиженный ее фамильярностью.

– Спой нам песенку, киска!

– Да ты сдурела, – ответил ей кот, – хозяину нельзя слушать мои песни.

Илья уже не удивился. Голова шла кругом, жар тела де-вушки передался и ему, внутри клокотало: то ли от восторга, то ли от возбуждения, то ли от волнения и неизведанных переживаний.

– Хозяин сам споеет нам песню, он мастер на это дело, – промурлыкал кот, и Илья подумал, что и вправду хочет петь. И откуда кот узнал о том, что он мастер на это дело?

– Ой, твоя толстая синяя тетрадка всегда валяется в самых неподходящих местах, – фыркнула Мара, словно прочитав его мысли, – мы все давно ее прочитали.

Илья смутился и, наверное, даже покраснел. Во всяком случае, щеки его жарко загорелись.

– Только не надо дуться! – Мара толкнула его в бок. – Во-первых, мы должны знать, с кем имеем дело, а во-вторых, может быть, мы самые благодарные твои читатели.

«Птаха», сидевшая рядом, жарко шепнула ему в ухо:

– Ты пишешь стихи, красавчик? Я очень это люблю. Почитай мне тихонечко, на ушко...

Илья спрятал глаза в ее мягких русых волосах – вот уж никак он не ожидал, что попадет в такое дурацкое положение. Но нервная дрожь, клокотавшая в груди, требовала выхода. Он вдруг почувствовал себя веселым и бесшабашным, эдаким рубахой-парнем, которого тут все любят и ждут от

него чего-то решительно откровенного.

Он глотнул прозрачного напитка, и в голове его родился плавный ритм, на который с легкостью можно нанизывать слова. Илья никогда не импровизировал, даже не представлял, что такое возможно. Его стихи всегда рождались долго и мучительно, он перечеркивал строку за строкой, пока не получал что-нибудь приемлемое. И никогда не верил тем, кто, проснувшись среди ночи, записывает уже готовые строфы. А теперь музыка слов готова была сорваться с губ сама по себе, без мучительных поисков и раздумий. Все вокруг замолчали, не только те, кто сидел в одном с ним кругу. На поляне стало тихо, будто она опустела. Но если бы в другой раз это его смутило, то сейчас лишь придало уверенности. Илья разжал губы и негромко начал говорить:

Мое счастье – нежданно, негаданно.

Я всего лишь трава придорожная,

Сквозь асфальт пробиваюсь я исподволь

И хлебаю дожди горько-сладкие.

Здесь я небо глубокое, синее,

Я река, тиховодно текущая,

Я земля торфяная, зыбучая,

Я заря, из-за леса всходящая.

Заповедное место, пристанище

Спеленало меня и баюкает,
От него, для него с благодарностью
Я приму и печали, и радости.

Илья замолчал и опустил голову. Выслушав его, поляна вновь зашумела, как будто ничего не произошло. Как хорошо, что это приняли как должное. Он ведь хотел лишь высказаться... Объяснить, может быть, то, что объяснить никак не получалось даже самому себе.

– Ну, не так уж это и непонятно, – кашлянул багник.

Илья залпом осушил лилию, и ему в руку тут же сунули еще одну.

– А про любовь? Про любовь ты умеешь? – прижав мягкие губы к его уху, спросила «птаха».

– Умею, – прошептал ей Илья.

– Давай. Только мне и больше никому, хорошо?

– Сейчас.

Илья кашлянул и горячо зашептал:

– Жаркие руки и жаркие губы!

Стиснув в объятьях упругое тело,

Я растворяюсь, и быюсь, и взлетаю:

Это любовь торжествует победу.

«Птаха» вздохнула и прижалась к нему теснее.

– Пойду-ка я поищу кого-нибудь, для кого моя любовь не

смертельна, — хмыкнула Мара и поднялась.

Илья рассеянно кивнул ей. Но, как ни странно, когда она начала удаляться, он почувствовал боль и тоску от того, что она уходит. Если притяжение «птахи» было для него чем-то естественным и светлым, то Мара будила в нем глухую, дремучую страсть, черную, как глубокий омут.

— Когда-то этот праздник мы встречали вместе с людьми, — сказал леший, — только это было очень давно.

— «Давно» — это когда? — переспросил Илья.

— Я уже и не припомню, сколько лет прошло с тех пор, как люди сложили Каменный лик и вызвали его к жизни. А примерно тысячу лет назад люди начали меняться. Постепенно, медленно, но их приходило сюда все меньше. И вот уже лет триста как на праздник с нами приходят только хозяева избушки, да и то не каждый год.

— Так это люди сложили Каменный лик? — Илья поднял брови.

— Разумеется. Боюсь, что люди забыли свое место в жизни. Они готовы предаваться самоуничтожению там, где сильны и свободны, и, напротив, мнят себя царями в том, в чем несколько не отличаются от булыжника на дороге.

— И люди, поселившиеся здесь, — это булыжники на дороге? — Илья оторвал лицо от мягкого плечика красавицы и повернул его к лешему.

— Ты передергиваешь, — заметил кот, — никто этого не говорил. Ты сам только что сказал, что ты — придорожная тра-

ва.

– А люди, поселившиеся здесь, не понимают и не чувствуют Долины, – от себя добавил багник. – Они не хотят признавать, что Долина – живая. Это только кажется, будто она молча терпит издевательства тех, кто сюда пришел.

– А на самом деле?

– А на самом деле она рано или поздно нанесет удар. Смертельный удар. Пока она только предупреждает, но и ее терпению придет конец. И, возможно, все мы станем орудием в руках Каменного лика.

– Да не просто «возможно», а наверняка! – поправил кот. – И я лично буду этим орудием с большим удовольствием.

– Каждый из нас будет им с удовольствием, – прошипела сверху русалка со змеиным хвостом, и Илья нисколько не усомнился в серьезности ее намерений. Холод и страх повисли над их кружком, и ему стало не по себе.

– Вы настолько ненавидите людей? – спросил Илья.

– Я бы не назвал это ненавистью, – вздохнул леший. – Змея, на которую наступили сапогом, не испытывает ненависти к тому, кого жалит. Она так создана природой.

– А что делать мне? – спросил Илья. – Как, по-вашему, должен поступить я? Я ценю ваше доверие ко мне, и мне очень хорошо с вами. Но люди, какими бы они ни были, тоже что-то значат для меня.

– А ничего тебе не надо делать, – сообщил кот. – Сапогом

на змею уже наступили.

– Нет, не скажи, Баюн, – багник прищурился, – он правильно спрашивает. Я бы посоветовал людям немедленно покинуть это место. Ведь мы не кровожадны. Только жить здесь никто не должен, это место не для жизни. Это место поклонения Каменному лику.

– Что-то я не заметил, чтобы вы ему поклонялись, – усмехнулся Илья.

– А Каменный лик не икона, – расхохотался леший, – ему нравится смотреть на веселые лица, видеть нашу радость. Ты вот слагал для него песню, «птахи» станцуют ему, а я, старый и неуклюжий, просто посижу рядом. Кстати, посмотри, твоя Мара нашла себе возлюбленного. Несомненно, они сейчас покажут нам что-нибудь интересное.

Поляна снова затихла, все повернули головы в сторону Мары и ее нового спутника. И оказался им, к удивлению Ильи, совсем обычный человек. Ростом примерно с Ильёю, в синих джинсах и серой, застиранной футболке, крепкий, но не сильно плечистый. Человек шел рядом с Марой такой же легкой походкой, как и у нее, чуть приподняв плечи, как будто слегка озяб. Что-то неуловимо знакомое было в нем, и Илья мучительно пытался понять, где мог его увидеть.

– Ну шутники! – кашлянул багник, глянув в сторону Мары.

– А ты скажи: «Чур сего места», – леший тоже рассмеялся и толкнул Илью в бок.

Илья, ничего не понимая, смотрел то на одного, то на другого, и вдруг до него дошло, где он этого человека мог видеть, причем каждый день: в зеркале.

– Надо же, и с походкой попал! – веселился кот.

Илье почему-то стало не по себе, как будто встреча с двойником предвещала что-то недоброе.

– Это Безымень, – пояснила ему «птаха». – У него своего облика нет, поэтому он превращается в кого хочет. Вообще-то нехорошая примета Безыменя в своем обличье встретить. Надо зачураться, и тогда ничего не случится. И в глаза ему нельзя смотреть.

– А зачураться – это как?

– Скажи: «Чур сего места» или «Чур меня».

Илья усмехнулся. Нечто похожее в последний раз он говорил в Сережкином возрасте.

– А ты не смейся, – «птаха» хлопнула его ладошкой по спине, – быстро говори!

– Ну, чур меня... – пробормотал Илья. И тут же легкий порыв ветра шевельнул ему волосы. Как будто чья-то рука легла на плечо, и сразу стало легко и спокойно.

– Э, Чура можно и с бóльшим уважением поминать, – заметил кот.

Илья, после того как почувствовал прикосновение невидимой руки, и сам понял, что его небрежность была несколько... бестактной.

Тем временем Мара с его двойником вышли на середи-

ну поляны, в круг, обозначенный камнями, и остановились, взявшись за руки. И хотя воздух вокруг был тих и неподвижен, Илья увидел, что на эту странную пару дует ветер. Ветер откидывал назад их волосы, обнажая бледные лица, и развеивал белоснежный сарафан Мары. Легкое дрожание покати- лась от них по поляне, становясь все ощутимей, пока не пе- решло в ритмичную, рокошущую вибрацию. И Илья телом ощутил музыку – она была не слышной, а осязаемой. Музы- ка эта казалась не менее сверхъестественной, чем синий ру- мянец щек Мары: тело напряглось, участилось дыхание, где- то в солнечном сплетении появился твердый ком, а кулаки непроизвольно сжались.

Мара раскинула руки в стороны, и белые рукава захлопа- ли на ветру, как два флага, в такт осязаемой музыке. Безы- мень присел рядом с ней на одно колено, и Илья потряс го- ловой – ему показалось, что сам он стоит рядом с Марой и хочет поднять ее на руки. Его двойник осторожно поднял ее невесомое тело, держа за колени, и выпрямился во весь рост. Картина получилась жуткая – как будто на кладбищенский крест надели белый саван. А между тем Безымень прижался лицом к ее прямым ногам и медленно повернулся на месте, как будто давая всем рассмотреть свою спутницу. Сходство с крестом, одетым в саван, от этого только усилилось. Илье даже послышался скрип подгнившего дерева на ветру.

И вдруг Мара упала. Упала, как подбитая птица, навзничь, ломая крылья. Илья ахнул и качнулся вперед, подставляя

руки. Но поймал ее Безымень, а она бессильно свесила руки-крылья и запрокинула голову, так что ее тонкая длинная шея изогнулась, как у мертвой птицы, острый подбородок поднялся вверх, а волнистые волосы, перебираемые ветром, коснулись земли.

Безымень целовал ее, а Илья чувствовал на губах тонкий лен сарафана-савана, а под ним – холод голубоватой кожи. И Мара оживала в такт дрожащей музыке, оплетала мужское тело своим, прижималась к нему все сильнее. И вибрация ее тела передавалась земле, и дрожь его рук сливалась с ее трепетом, и Илья чувствовал, что тоже дрожит, как в ознобе. Больше он ничего не видел – причудливые движения двух тел, сливавшихся в странном танце, будто соединились с ним. Если бы его спросили, он бы сказал, что вошел с ними в резонанс. Как одна струна заставляет петь другую, до этого неподвижную. И чувствовал он при этом ветер, силу собственных рук, ликование и ревность одновременно.

Он очнулся от того, что кто-то похлопал его по плечу тяжелой рукой. Безымень и Мара удалились с места всеобщего обозрения, на поляне снова стало шумно и весело.

– Эй, это любовь мертвого к мертвому. Не стоит примеривать это на себя, – сказал ему леший.

– Не мертвое, – Илья огляделся по сторонам и неожиданно обнаружил «птаху» у себя на коленях, – неживущее.

– Люби лучше меня, я живущая, – «птаха» потерлась щекой о его плечо.

Илья хмыкнул, прижал ее к себе, допил все, что оставалось в его экзотическом бокале, и отбросил его в сторону, чтобы освободить вторую руку.

– Неживущее... – задумчиво произнес леший. – Хорошо сказал. Я вот тоже хочу рассказать тебе историю...

Голоса на поляне стихли, и леший поднялся во весь свой огромный рост, сжимая в руке лилию, как будто собирался сказать тост. Он хрипло прокашлялся, прочищая горло, и начал говорить неторопливо, громко и воодушевленно:

– Мы, жители нижнего мира, или, как ты назвал нас, «неживущие», когда-то были беспечны и беспечальны. Некогда, очень давно, жили мы бок о бок с людьми, и боги спускались к нам тогда, когда хотели. Гармония, Правда и Справедливость правили миром. А потом пришел ледник, самый последний, самый холодный и высокий. Он запер нас под землей на сотню тысяч лет, и мы провели их, как в могиле. Мы никогда не станем столь же светлыми и веселыми, как когда-то. Там, под землей, нас коснулся холод ледника, выстудил наши души, повязал нас со смертью и мраком. Ледник прогнал богов наверх, а людей вышвырнул с этой земли на восток.

Они вернулись, едва растаял лед, – изувеченные голодом и морозом, сломанные бесконечными странствиями, одичавшие и забывшие свое место в этом мире. Но они вернулись. И вместо теплых густых рощ, чистых озер и высоких мягких трав люди нашли здесь мертвые непроходимые топи.

И тщетно они звали богов, стоя в ледяной воде под ледяным ветром, – боги не слышали их. Напрасно они уговаривали вернуться неживущих – мы не могли выйти им навстречу.

Маленький островок, пядь твердой земли, один на много дней пути, разыскали люди и назвали его местом силы. Силы, которая не позволила леднику раздавить его и втоптать в болото. Они сложили на нем каменный очаг – не так-то легко было его разжечь, сырость животворна для теплых краев и губительна для холодных. Сила земли, сила огня и сила людей толкнула это место к жизни. Прошло много лет, прежде чем мы, неживущие, смогли выбраться на землю.

Да, мы стали другими – могильным холодом веет от нас до сих пор. Но люди простили нас и приняли такими, какие мы есть, – они были одиноки так же, как и мы. Рука об руку, смертные и неживущие, мы хранили очаг, сила которого собирала болотную воду в ручьи и реки, обнажая твердую землю, крепила ее соснами, засеивала лесами и заселяла зверьем.

И когда пришло время позвать богов, недалеко от очага, в солнечном лесу люди воздвигли Каменный лик. И боги услышали их зов.

Леший замолчал и оглядел поляну, как будто искал поддержки у слушателей, а потом с вызовом продолжил:

– Я выпью за людей! За тех, кто освободил нас. За тех, кто вдохнул жизнь в Каменный лик.

По поляне прошел ропот, похоже, не все были согласны

пить за людей.

– Люди изменились с тех пор! – выкрикнул кто-то, и Илье показалось, что это Безымень. Но он мог и ошибиться.

– Да, люди изменились, – кивнул леший, – но разве не человек сидит сейчас рядом с нами? Разве не человека Долина выбрала своим стражем? Скажи им, хозяин, стоят ли люди того, чтобы я пил за них?

Илья смешался – он не ожидал, что его о чем-нибудь спросят.

– Хм... человек – это звучит гордо, – пробормотал он себе под нос. – Я не знаю. Люди разные – хорошие и плохие. Но и вы, я так понял, тоже существа неоднозначные. Я бы выпил за то, чтобы мы снова стали добрыми соседями...

Леший рассмеялся хриплым, кашляющим смехом и хлопнул Илью по плечу:

– Что ж, пусть будет так. За доброе соседство.

На этот раз поляна поддержала его – похоже, всем надоело слушать пространные речи, им хотелось чего-нибудь повеселей. И, наверное, Илья был с ними согласен.

Когда же «птахи» щебечущей стайкой побежали танцевать, он выпустил свою с сожалением – без нее ему стало пусто и холодно. Их танец был полон жизни, как будто они нарочно хотели подчеркнуть разницу между собой и Марой. И музыка шла не из-под земли, а лилась из леса перезвоном колокольчиков, капающей росой и шорохом сосновой хвои. Их кожа в лунном сиянии светилась розовым, их движения

переполняла энергия, бьющая через край, а округлые контуры тел манили и влекли к себе, как магнитом.

И закончился их танец внезапно: они сорвались с места и разбежались в разные стороны из круга, и те, кто сидел на поляне, ловили их в объятия, целовали, поднимали и кружили.

Когда Илья увидел свою «птаху», летящую ему навстречу, то не смог удержаться тоже, поднялся и подхватил ее на руки – разгоряченную, мягкую и живую. И почему-то не осталось сомнений в том, что делать дальше: Илья направился в лес, несмотря на то, что «птаха» хохотала и отбивалась. Впрочем, оглядевшись и прислушавшись, он понял, что не одинок в своем начинании. Дважды ему казалось, будто он нашел подходящее место, но, приблизившись, понимал, что оно уже занято. Приходилось тащить ее все дальше и дальше от поляны, пока в итоге он не оказался на опушке, среди замечательных мягких моховых кочек. Он уронил «птаху» в упругий мох, нисколько не сомневаясь в том, что она не ушибется. И точно – она провалилась в него как в перину и засмеялась. Илья опустил ее на колени; мох был слегка влажным и чуть охлаждал жар, которым дышало его тело.

И когда он уже держал ее в объятиях, не в силах оторваться, метрах в пятидесяти внезапно вспыхнул свет. Сперва слабый – осветилось одно окно. Илья между делом подумал, что дотащил красавицу почти до самого забора Вероники. Но это его не встревожило и не остановило. И лишь когда за-

зжглись прожектора во дворе, подсветив опушку леса, он засомневался в том, стоило ли хозяйке дома это делать. Остановиться он не мог – при свете «птаха» показалась ему еще прелестней.

Они вернулись на поляну, взявшись за руки, оба тихие и смущенные. И едва подошли к своему поредевшему кружку, как сверху, прямо перед их лицами, опустились две тонкие руки, державшие бокалы-лилии. Илья поднял голову – русалка со змеиным хвостом прижималась лицом к толстому суку, на котором лежала, и томно улыбалась, свесив обе руки вниз.

– Спасибо, – кивнул он ей.

– Приходите еще, – ответила она, и глаза ее хитро прищурились.

– Ага! – воскликнул кот. – Вернулись! Говорят, вы подарили хозяйке дома незабываемое зрелище!

Илья смутился и потупился.

– Ей полезно напомнить, что она не хозяйка Долины, – проворчал багник. – Если она не уберется отсюда, честное слово, пусть лучше не выходит в лес.

– Да ладно вам, – пожал плечами Илья, – она не такая гадкая, какой хочет казаться. К ней детишки скоро приедут...

– Час от часу не легче! – фыркнул кот. – Она что, не понимает, где оказалась?

– Не знаю, – ответил Илья. – Может быть, и не понимает.

Она... она очень... хм... материальная.

– Вот-вот, – кивнул багник, – в этом ее беда.

– Я попробую ей объяснить, может быть, она поймет, – в эту минуту Илья искренне верил, что сможет ей что-то объяснить.

– Ты, конечно, попробайся, – усмехнулся леший, – чтобы она не говорила, что ее не предупреждали.

За три недели, что Ника прожила в своем новом доме, не прошло еще ни одной ночи, чтобы ей не приснился кошмар. Днем она была вполне умиротворенной и, наверное, счастливой. Но стоило темноте опуститься на Долину, от ее уверенности и умиротворения не оставалось и следа. Хорошо, что ночи становились все короче и светлей.

Кошмары ее отличались разнообразием и реалистичностью. Но каждый сон начинался одинаково: ей снилось, будто она проснулась в своей постели. Может, поэтому они и казались неотличимыми от яви. Однажды ее живой хоронили в могиле, а она не могла шевельнуться и воспрепятствовать этому. В другой раз она опускала ноги на пол и с ужасом обнаруживала, что комната кишит змеями. Ее топили в ванной, потолок рушился ей на голову, ее душили чьи-то холодные, как у покойника, руки, ее кусали ядовитые насекомые, в лесу на нее нападали дикие звери и разрывали ее тело на куски, ей плескали в лицо кислотой и живьем сжигали на костре.

Но темнота рассеивалась, наступало утро, и, хоть на улице и стояла серенькая дождливая погода, от ее ужаса не оставалось и следа. Долина зазеленела, и, глядя на нее из окна кабинета, Ника чувствовала покой и радость. Особенно когда за окном шуршал дождь и его капли сползали по чистым

стеклам. Ими умывалась майская зелень, и без того яркая, и Нике нравилось представлять, что она живет на дне чудесного озера и вокруг нее вместо воздуха стоит вода. В воде движения становятся плавными, время замедляется и течет неспешно, день за днем, и нет этим дням ни конца, ни края.

А кошмары? Наверное, упавшая балка чрезмерно сказала на ее нервах. Спокойствие и тишина этого места рано или поздно сделают свое дело, свежий воздух лечит нервы лучше всего. Может быть, и стоило обратиться к врачу, как советовал Алексей, но Ника посчитала это излишним, тем более что не чувствовала никаких последствий страшных снов. И только просыпаясь в темной комнате среди ночи, тяжело дыша и вздрагивая, иногда жалела, что не последовала совету мужа.

В эту ночь Ника легла пораньше и, как всегда, проснулась, когда за окном совсем стемнело. Верней, не совсем – над Долиной светила луна, наполняя комнату бледным мертвенным светом. Проснулась она от того, что ей послышался какой-то странный звук у двери, а потом показалось, что в комнате вместе с ней кто-то есть.

– Надежда Васильевна? – тихо позвала она, но ей никто не ответил. Тень у дверей шевельнулась и оторвалась от стены. Теперь не оставалось сомнений: она не одна.

Ника потянулась к выключателю, чтобы зажечь бра, висевшее над кроватью, но свет не загорелся. Она щелкнула выключателем еще раз и еще, но света не было.

– Кто здесь? – как можно уверенней спросила она.

Тень медленно двинулась в ее сторону.

– Кто здесь? – повторила она вопрос, который снова остался без ответа, и приподнялась на локтях.

Тень качалась в такт своим осторожным шагам – тот, кто проник в ее комнату, крался по ковру неслышно, надеясь остаться незамеченным. Это было глупо – Ника давно заметила его. Но от того, что незваный гость все еще таится от нее, стало только страшней. Кто это? Что ему нужно?

– Я вижу вас! – сказала она, желая казаться невозмутимой, но голос предательски дрогнул.

В это время тень подобралась к балконной двери, и Ника увидела силуэт непрошеного гостя на фоне светившегося лунным светом стекла. Он, казалось, нарочно замер на секунду, чтобы Ника могла хорошенько его рассмотреть, и повернулся к ней в профиль. Вполне нормальное человеческое тело венчала огромная косматая голова с кривыми клыками и длинным свиным рылом. А присмотревшись, Ника заметила, что из широких рукавов его длинной рубахи вместо рук выглядывают раздвоенные копыта.

Она задохнулась и зажмурилась, надеясь, что чудовище исчезнет. Но вместо этого монстр утробно хрюкнул – омерзительно, тошнотворно. Ника хотела закричать, но только открыла рот, не в силах выдавить из него ни звука. Тело отказывалось подчиняться – она попыталась встать, но руки и ноги превратились в вату, и ее жалкие попытки шевель-

нуться были тщетны. Чудовище снова хрюкнуло, на этот раз угрожающе, подступило к ее изголовью и склонило отвратительную кабанью морду к ее лицу. Свиное рыло с двумя круглыми ноздрями уперлось ей в нос, смрадное дыхание коснулось ее губ, в лунном свете блеснул торчащий вверх изогнутый желтый клык.

– Ты знаешь, что свиньи едят людей? – человеческим голосом спросило чудовище. – Какой печальный конец – тебя сожрет свинья.

Мохнатое рыло издало нечто похожее на хохот, выплевывая непереносимую вонь, и Ника попыталась закрыть лицо руками. Но раздвоенные копыта с неправдоподобной ловкостью уперлись в ее запястья и прижали их к подушке. Омерзение и ужас – чудовище нависло над ней, и Нике на секунду показалось, что намерения его не ограничиваются тем, чтобы ее сожрать.

Но отвратительная пасть приоткрылась, и она почувствовала, как тупые зубы впиваются ей в щеку, и отрывают куски плоти от лица, и пережевывают их, чавкая и хрюкая от удовольствия. Вместо истошного крика горло ее исторгло жалкий тонкий звук, больше похожий на выдох, она забилась в конвульсиях, не в силах пошевелиться, и... проснулась в своей постели.

Разумеется, в комнате никого не было. Луна и вправду светила в окно, но Ника все равно потянулась к выключателю, все еще прерывисто дыша и обливаясь холодным потом.

Свет зажегся безо всяких проблем и разогнал сумеречные тени по углам. Уютная спальня не таила в себе никаких страхов и опасностей.

Ника села на кровати и накинула халатик. Сон сняло как рукой, и мучительно захотелось выпить чашку горячего кофе, чтобы согреться и прийти в себя. И хотя освещенная спальня уже не пугала ее, все равно ей показалось, что на кухне будет куда спокойней и безопасней. Ника подхватила томик с рассказами японских авторов, заложенный карандашом, и отправилась вниз. Полчасика почитать и выпить кофе – и она снова сможет уснуть.

Лунный свет заливал гостиную, блестел на лакированных перилах, переливался молочно-белыми бликами на мелких лампочках бронзовой люстры, отражался от паркета. Луна светила как огромный прожектор, неестественно ярко, так, что можно было читать. Наверняка в Долине сейчас удивительно красиво. Ника вздохнула и начала спускаться по лестнице вниз.

Очарование лунного света не отпускало ее. Вместо того, чтобы пойти на кухню, она подошла к огромному окну гостиной и глянула во двор. Со второго этажа вид на Долину был несравнимо лучше, любоваться ею с первого этажа мешал высокий забор. Но луна, на которую Ника взглянула сквозь стекло, приковала ее взгляд и наполнила сердце сладкой тоской. Магнетизм мертвенного света подчинил себе ее волю, как взгляд гипнотизера; она не могла сопротивляться

его притяжению.

Нет-нет, она непременно должна выйти в Долину. Ночная прогулка несколько ей не повредит, это будет романтично.

Ника спустилась с крыльца, дошла до калитки и распахнула ее, впуская лунный свет во двор. Перед ней открылся неподвижный космический пейзаж – застывшие деревья серо-синего цвета, как на неведомой чужой планете; лес, больше похожий на нагромождение островерхих скал; белые гладкие дорожки с черной оторочкой гравия. Луна поменяла цвета и превратила привычные предметы в неземные.

Ника с замершим сердцем обогнула свой участок и остановилась перед стеной леса, поднявшейся перед ней как по волшебству. Это только казалось, что он темный, на самом деле луна просвечивала его насквозь. Ника вошла в его чащу, восторженно глядя по сторонам, – она попала в сказку, колдовскую и немного страшную. Ели расступались, давая ей дорогу, под ногами шуршали их иглы, застилавшие землю сплошным ковром. Было настолько светло, что она могла рассмотреть каждую иголочку, каждую щербинку на стволах деревьев. Ельник сменился мшистым прозрачным березняком, и вскоре Ника увидела широкое открытое пространство, простиравшееся до самого горизонта и освещенное яркой луной.

Ее лунная тень легла под ноги, вперед звала узкая, еле заметная тропка, Ника без страха ступила на нее и двинулась вперед. Безмятежность, минуту назад наполнявшая ее серд-

це, внезапно начала таять, уступая место непонятной тревоге. Тропка, бежавшая между мшистых кочек, подозрительно пружинила, с каждым шагом все сильнее, и Нике показалось, что она идет по тонкой колышущейся мембране, готовой вот-вот прорваться.

Очарование лунной ночи в один миг улетучилось, когда в голову стукнуло зловещее слово «болото». Ника, как будто очнувшись от сладкого сна, остановилась и огляделась: она стояла посреди мокрой пустоши, совсем одна, в коротком шелковом халатике и мягких тапочках на босу ногу. Последнее, что она увидела перед тем, как луна скрылась за тучей, был блестящий хвост гадюки, нехотя уползавшей от нее за высокую кочку.

Свет померк, она осмотрелась по сторонам и вдалеке заметила зеленоватый, расплывчатый огонек, дрожавший над землей. А потом еще один, и еще, и еще... Сперва зеленые огоньки только покачивались в стороне, но когда их набралось достаточно много, неожиданно двинулись к ней, медленно и плавно. Ника хотела шагнуть назад, но нога погрузилась в холодную жидкую трясину. Она выдернула ногу, едва не потеряв тапку. Тонкая мембрана под ней колыхалась и грозила вот-вот прорваться. Зеленые огоньки медленно приближались, обходя ее с трех сторон, и теперь Ника могла отчетливо рассмотреть, что за каждым из них прячется прозрачная серая тень. А вскоре почувствовала могильный холод, исходящий от фосфоресцирующих сгустков, и удуш-

ливый запах мертвечины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.